

ПРОФ. В. И. РАВДОНИКАС

ИСТОРИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА

II

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОРДЕНА ЛЕНИНА УНИВЕРСИТЕТА

ЛЕНИНГРАД

1947

ГЛАВА XXI

ЭПОХА МЕДИ И БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ СССР

1. Кавказ

В эпоху меди и бронзы на территории СССР выдающаяся историческая роль принадлежала племенам и народам Кавказа. Если страны Передней Азии и восточного Средиземноморья, наряду с Египтом, были очагами самой передовой для эпохи бронзы культуры, то Кавказ (особенно Закавказье) благодаря его географическому положению в гораздо большей степени, чем какая-либо другая часть территории СССР, находился с ними в прямых сношениях и, развивая собственную высокую культуру, воспринимал их культурные приобретения, перерабатывая и распространяя их далее по восточной Европе. В этом смысле Кавказ был ведущим звеном, соединявшим Европу и Переднюю Азию, форпостом древневосточной культуры в Европе. Богатые рудные месторождения на Кавказе обусловили здесь быстрое развитие собственной металлургии, а разнообразие природных условий благоприятствовало успехам земледелия (в долинах) и пастбищного скотоводства (в горной зоне).

Несомненно в связи с таким географическим положением и природными условиями Кавказа эпоха меди и бронзы на его территории представлена многочисленными, разнообразными и наиболее в СССР (для данной эпохи) яркими памятниками. Степень изученности этих памятников далеко не одинакова. Если общественные явления времени первого на территории СССР государства Урарту (конец эпохи бронзы, начало эпохи железа) благодаря обилию массовых памятников и благодаря известиям клинописных, позднее древнегреческих письменных источников становятся для нас в основных чертах ясными, по крайней мере для Закавказья, то собственно эпоха меди и бронзы (III—II тысячелетия до н. э.) при всей великолепии некоторых групп памятников этого времени на Кавказе далеко еще не может считаться исторически уясненной. Здесь только намечаются основные стадии развития со стороны их общего содержания, и новейшие открытия (раскопки в Триалети) показывают нам, что главные успехи в изучении этого важного периода истории Кавказа все еще впереди. Лучше изучены памятники Северного Кавказа, хотя Закавказью, вследствие

его непосредственной близости к Передней Азии, принадлежала еще более важная роль.

Неолитические памятники в Закавказье до последнего времени были почти неизвестны, а время появления меди и бронзы оставалось в густой тени. Вся эпоха меди и бронзы исследователями хронологически сдвигалась здесь вперед; только новейшие исследования проливают первый свет и на более ранние ступени эпохи.

а) Закавказье

Памятники эпохи меди и бронзы в Закавказье можно при общем и довольно грубом приближении разделить на три стадии: 1) энеолит, стадия освоения меди и бронзы; 2) стадия развитой бронзы, особенно характеризующаяся распространением расписной керамики, и 3) стадия поздней бронзы и начало эпохи железа — доурартское и урартское время.

Первая, ранняя, стадия получает некоторое освещение лишь в свете новейших исследований.

Выясняются наиболее ранние формы поселений в Закавказье начала эпохи меди и бронзы.

У гор Очемчири (Абхазия) в 1935—1936 гг. производились раскопки чрезвычайно интересного поселения, в котором были найдены каменные орудия (в том числе прекрасно отретушированные кремневые наконечники стрел с треугольной выемкой в основании), орудия из кости, мотыки с зернотерками и керамика — горшки баночной формы, миски и пр. с несложной орнаментацией из валиков и ромбов (в большинстве же — без орнаментации). Хотя предметов из металла здесь найдено не было, но селище по керамике (миски) и наконечникам стрел увязывается с ранними погребениями в дольменах Абхазии и относится к энеолиту. Это очень ранний (III тысячелетие до н. э.) памятник земледельческой культуры Закавказья. Земледелие здесь сочеталось со скотоводством (низкорослый бык, свинья, мелкий рогатый скот).

Целый ряд древних поселений Закавказья по ряду признаков точно так же относится к началу времени освоения металла на Кавказе.

Шенгавитское поселение (у г. Еревана, Армения) расположено на левом берегу реки Занги и занимает площадь около 6 гектаров. В нем были открыты постройки из кирпича-сырца, примыкавшие к центральному — круглому помещению 6—7 м в диаметре с впущенным в землю очагом с глиняными стенками („тондыром“). Среди остатков, кроме черной лощеной керамики, было найдено много кремневых орудий (наконечники, скребки, характерные вкладыши для серпов), полированный каменный топор, медное шило, обломок литейной формы для отливки топора, скульптурные фигурки домашних животных из глины или камня, а также прямые следы скотоводства и земледелия — кости крупного и мелкого рогатого скота и зерна, даже колосья пшеницы.

Поселение Элар (Ереванский район), также содержавшее черную лощеную керамику, отличается от Шенгавита тем, что каменные орудия его культурного слоя изготовлены почти исключительно из обсидиана (вулканическое стекло темного цвета). И здесь были встречены выразительные остатки земледелия (зерновые ямы с остатками пшеницы, каменные зернотерки, ступы, песты) и скотоводства (крупный и мелкий рогатый скот).

По всему Закавказью известны так называемые циклопические крепости, представляющие укрепленные поселения с оборонительными стенами, сложенными из крупных, неотесанных каменных глыб до 2 м в поперечнике, нагроможденных двойными рядами с сухой забутовкой промежутков мелким щебнем (рис. 121). Циклопические крепости существовали в Закавказье в течение эпохи бронзы и даже в урартское время. Но оказалось, что возникновение этих столь характерных для Закавказья укрепленных поселений в их наиболее древних формах относится еще к самому началу эпохи меди и бронзы.

Так, культурный слой Бешташенской циклопической крепости содержал горизонты разных стадий эпохи бронзы. В самом нижнем слое находились кремневые орудия — треугольные с черенками наконечники стрел, ножи, затем зернотерки овальной формы, глиняная фигурка быка или барана и бурая или черная лощеная керамика двух типов — широкогорлые плоскодонные сосуды без орнамента или с рельефным орнаментом из дуг и спиралей и сосуды с узким вдавленным дном и вдавленно-выпуклой орнаментацией, близкой к шенгавитской.

Встречена и ранняя расписная керамика с буроватым рисунком по красной поверхности. Выше залегал слой с черной лощеной керамикой геометрической орнаментации, еще выше — слоя с остатками эпохи поздней бронзы, полно представленной находящимся по соседству могильником.

Эти древнейшие памятники конца III тысячелетия до н. э. неоспоримо доказывают местное, самобытное происхождение закавказской металлургии и выявляют полную неосновательность распространенной в западно-европейской археологии теории о принесении на Кавказ мегаллургии из Азии или же Европы, что стояло в прямой связи с общими методологическими установками индо-евро-

Рис. 121. Часть стены циклопической крепости в Птгни Ернатасар (Армения).

пейской теории. Правда, отдельные находки на более древних медных вещей (проушенный топор и копье со следами ковки в ЗАГЭС'е, найденные на глубине 10 м, копье из Тбилиси и др.) обнаруживают сходство с шумерскими и скорее всего свидетельствуют о раннем (III тысячелетие до н. э.) проникновении металлургии в Закавказье из Передней Азии. Вероятно, тогда же и из того же источника

появилась ранняя краше-ная керамика, так как в более поздних местн х закавказских формах этой керамики (II тысячелетие до н. э.) сохранились мотивы орнаментации и стилистические черты (эламский стиль), свойственные Передней Азии в III тысячелетии до н. э.

В качестве наиболее древних могильных памятников, принадлежащих к медному веку, в Закавказье намечаются каменные дольмены Абхазии наиболее древние или старшие курганы Цалкского плоскогорья в Грузии и некоторые грунтовые могильники с вещами из меди.

Дольмены западного Кавказа, в частности, Абхазии, представляют газчовидность мегалитических памятников (см. выше, стр. 176) в виде могильных сооружений из грубых каменных плит (рис. 122). Обычны дольмены прямоугольной, как и резде,

формы (рис. 127), но встречаются и круглые в плане сооружения. В нижней части передней стенки кавказских дольменов наблюдается отверстие, закрываемое втулкой.

Иногда дольмены окружены кругами из камней — кромlechами. Вместе с ними встречаются и менгиры, иногда располагающиеся типичными аллеями.

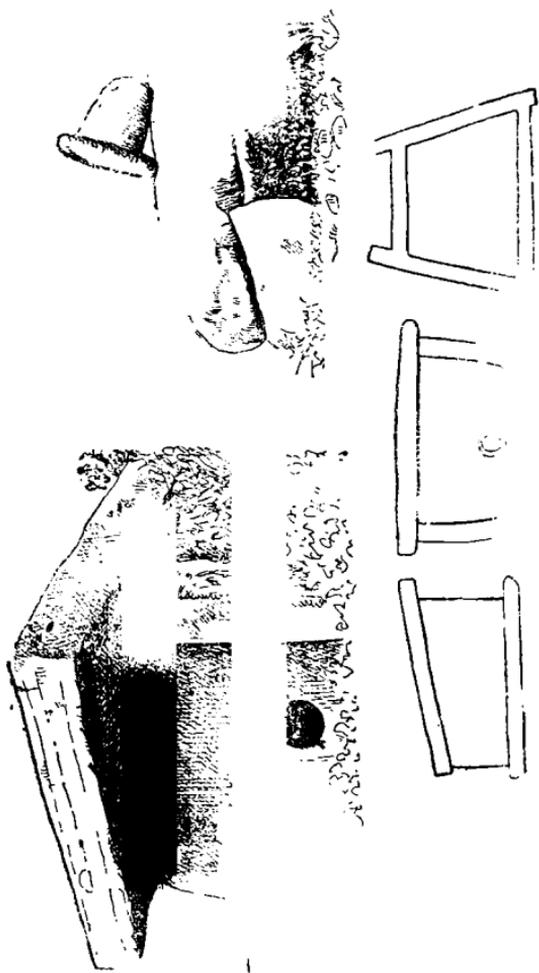

Рис. 122. Дольмены Кавказа.

Дольмены предназначались для коллективных захоронений. Любопытно, что один и тот же дольмен часто служил для последовательных захоронений в течение всей эпохи бронзы и даже позднее. Для них обычна культура развитой бронзы II тысячелетия до н. э., почему их и датировали этим временем. Но в дольменах Абхазии в 1934—1937 гг. был открыт древнейший слой погребений с медными (с примесью сурьмы) топорами и пластинчатыми ножами времени начала меди и бронзы на Кавказе. Этот слой стерильной прослойкой был отделен от вышележащих слоев с культурой развитой бронзы. Следовательно, возникновение кавказских дольменов относится к началу эпохи меди и бронзы, скорее всего — к энеолиту (связь с очемчирским поселением), так же как и на западе Европы.

На Цалкинском плоскогорье в Грузии, где распространены и древние циклопические крепости, известно много курганов и других могильных памятников разного времени. Раскопки 1936—1937 гг. привели здесь к выдающимся открытиям, в частности, давшим возможность установления хронологической последовательности древних могильных памятников Грузии. Из курганов наиболее древними (старшая цалкинская группа) являются здесь курганы, содержащие могильные ямы со скорченными захоронениями. Керамика этих погребений в некоторых отношениях (по технике резного и выпуклого орнамента, по мотивам орнаментации) сближается с керамикой нижнего слоя Бешташенской циклопической крепости, что проливает свет на их хронологию (рис. 123). Из вещей найдены (раскопано только 6 курганов) медное долото и клинок из меди. Таким образом, эта категория памятников также относится скорее всего к началу эпохи меди и бронзы и указывает нам на время возникновения курганного типа могил в Закавказье.

Равным образом, намечаются и грунтовые могильники несколько более позднего времени, например могильник в Сатхери (Имеретия), где были найдены вещи почти из чистой меди (с примесью олова не более 0,35%) — пластинчатые наконечники или клинки, ранние вислообушные топоры, Т-образные булавки, кольца и пр. (рис. 123) с типами, имеющими некоторые аналогии в памятниках Унеицкой стадии западно-Европы.

Конечно, перечисленные и некоторые другие аналогичные памятники Закавказья представляют пока изолированные звенья и не дают полной целостной картины. Но и они свидетельствуют о крайне важных явлениях, возникших здесь еще в III — начале II тысячелетия до н. э. Начало циклопического строительства, возникновение мегалитических и курганных могильных сооружений, начало употребления металла, земледелие и скотоводство — этот комплекс фактов характеризует здесь начальное развитие патриархально-родового строя при неомысленном культурном влиянии Передней Азии.

В течение II тысячелетия в Закавказье развивается богатая культура бронзы, несущая резко выраженные следы передне-

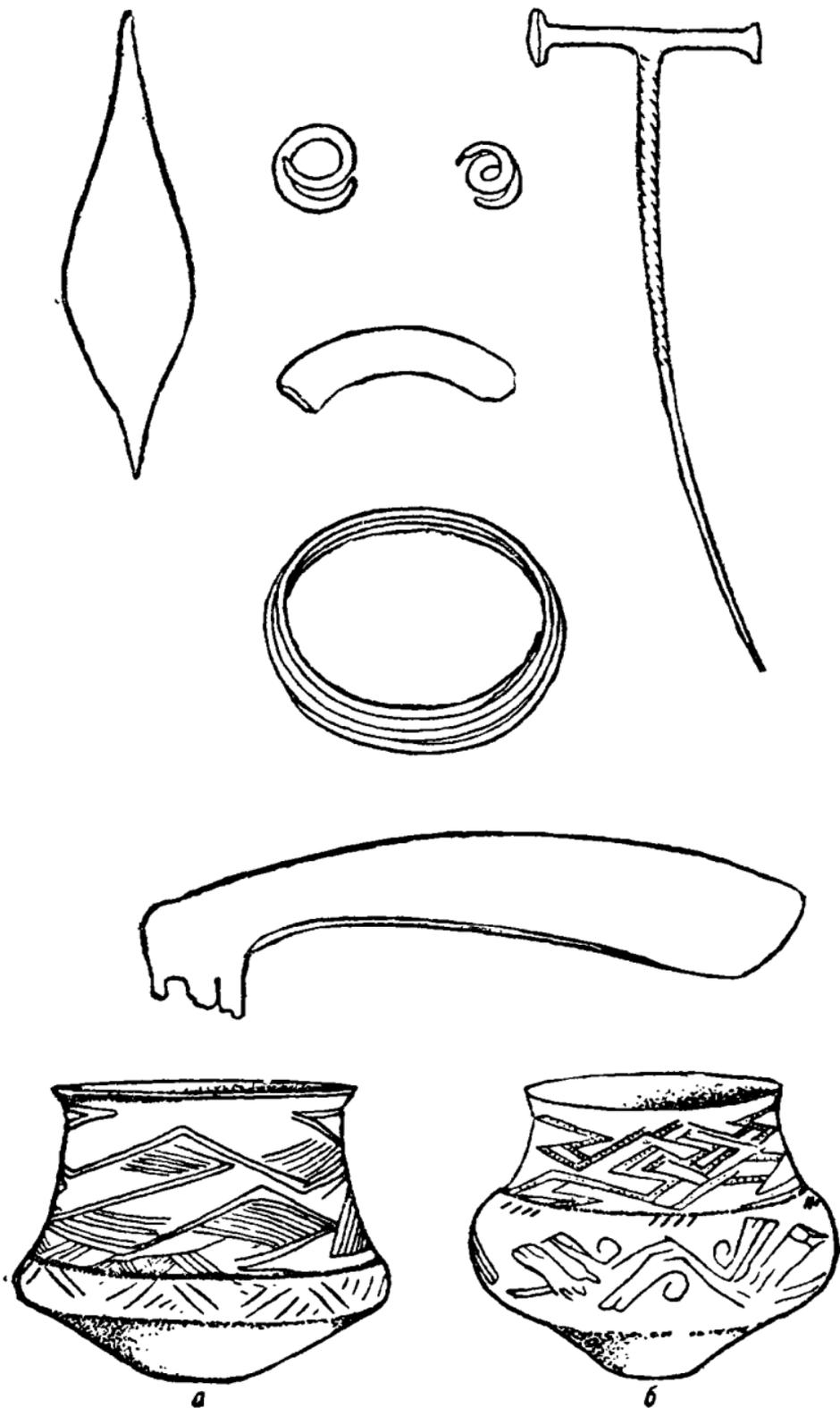

Рис. 123.

Сверху: — медные предметы из могильчика в Сачхери. Внизу — керамика: а) из Сачхери, б) из курганов старшей Цалкинской группы.

азиатских и средиземноморских влияний и характеризующаяся широким распространением расписной керамики, являющейся характерным элементом древних культур — Передней и Средней Азии. Поселения этого времени плохо изучены. Существовали попрежнему циклопические крепости и открытые поселения с остатками развитого скотоводства и земледелия (например Шортапа у Нахичевана). Зато могильные памятники гораздо лучше нам известны.

Довольно ранним является могильник на реке Занге у крепости Кизил-Кала, где в могилах с погребенными были найдены только сосуды круглой формы с плоским дном, украшенные расписанными черной краской по красному фону (монохромная керамика) геометрическими поясными узорами в виде сетки, шахматных квадратов, углов, а также изображениями двулезвийной секиры. Последний мотив очень типичен для ранней расписной керамики Месопотамии.

Многие памятники дают представление о расписной керамике Закавказья, известной в Грузии, Азербайджане и Армении. Но самое выдающееся место среди таких памятников занимают недавно (1937—1938 гг.) раскопанные замечательные большие курганы Цалкинского плоскогорья (курганы младшей цалкинской группы), совершенно по-новому осветившие эпоху бронзы в Закавказье. Они представляют широкие насыпи до 5 м высоты из камней или камней с землей. Погребения располагались или прямо на древней почве под насыпью (безъямные курганы) или же в могильных ямах-камерах, достигавших глубины 8 м от древней поверхности и размеров $8,5 \times 14$ м. В одном из безъямных курганов был открыт настоящий погребальный зал для покойника площадью 175 кв. м со стенами из сложенного насухо камня до 4 м высоты с ходом в зал в виде коридора; зал был перекрыт деревом на столбах. Дно могильных ям устилалось плетенькой из камыша. Кости покойников не сохранились (за исключением одного кургана); они или истлели или же трупы подвергались сожжению на стороне. Ряд данных показывает, что в соответствии с общим величием устройства могил погребальный обряд здесь имел весьма пышные формы. Остатки умершего привозились на колесницах. В одном из курганов была найдена такая колесница (без дышла или оглобель) с четырьмя колесами, сделанными из сплошного дерева (без спиц). В колесницу с помощью постромок запрягались быки и волы (были найдены скелеты этих животных). По ходу или дромосу останки вносились или ввозились в могильное помещение, тщательно подготовленное и вместе с покойником располагались приношения — вещи и напутственные животные. Скопления костей животных — быков и свиней — бывали иногда очень значительными.

Пышности обряда Цалкинских погребений соответствует пышность, богатство их инвентаря. Среди керамики (черная блестящая с розовой внутренней поверхностью, более грубая, темнубурая, оба вида — с резной геометрической орнаментацией и др.) выделяются расписные сосуды

двух родов (рис. 124): 1) краснофонные с черными узорами в виде спускающихся по плечикам сосудов шевронов с заполнением полей волнистыми или зигзагообразными линиями (символика воды) и с отдельными фигурами (свастика, изображения птиц) и 2) сосуды с беловой ангобированной глиной лощеной поверхностью и черно-бурой росписью (спираль, меандр, мотив шахматного поля, ступенчатые лесенки и отдельные фигуры в виде солнечных дисков, колец, розеток и т. д.). На одном из таких сосудов в форме гидрии около 0,5 м. высоты по верхней части тулова изображена извивающаяся змея с диском в каждом изгибе ее тела (рис. 124). Эта эффектная

Рис. 124. Керамика из Цалкинских курганов. Эпоха бронзы.

керамика имеет сходство с аналогичной расписной керамикой Элама (стиль II), но значительно моложе ее. Из многих найденных в этих курганах золотых и серебряных вещей замечательны серебряное ведро с дужкой, украшенное чеканными изображениями животных — козлов, серн, козулей, оленей, кабанов — густо заполняющими всю поверхность ведра, и особенно — кубки. Один из кубков выкован из целого куска серебра и представляет цилиндр с округлым низом на полой ножке. Он украшен двумя поясами чеканных изображений. В верхнем поясе передана ритуальная сцена из 23 идущих друг за другом персонажей, одетых в хитоны с волчьими хвостами

позади, с чашами в руках; процессию принимает подобная же фигура с поднятой чашей в руках, сидящая у дерева на троне перед жертвенником. В нижнем поясе изображены 9 оленей, попеременно самцы с большими рогами и самки без рогов. Другой кубок из червонного золота (рис. 125) украшен сканью, зернью и вставленными камнями — бирювой и сердоликом. Сложный ленточный узор на кубке носит характер спиралей и горизонтальных полос; между линиями из скани вставлены камни в оправках. Сканью украшены также золотые головки серебряных булавок, золотые бусы, достигающие размеров грецкого ореха, золотая оправка агатового кулона от ожерелья. Из многих других золотых вещей упомянем массивные полуторные завитки — подвески, нашивные штампованные пластинки, фигурку животного, оббивку погребального штандарта с фигурами львов и т. д. Среди предметов из меди и бронзы были встречены кинжалы, прекрасный втульчатый

наконечник копья, медный котел от погребальной трапезы. Кремневые и обсидиановые наконечники стрел выделаны с ювелирной степенью совершенства.

Находки из цалкинских курганов носят следы переднеазиатских и малоазиатских влияний (крашеная керамика, близкая к хеттской, трактовка фигур ритуальной процессии на серебряном кубке, скань, напоминающая шумерскую технику, золотые завитки, напоминающие подобные находки в Уре и т. д.). Но они глубоко своеобразны и свидетельствуют об их местном изготовлении. Техника обработки меди и драгоценных металлов стояла здесь уже на большой высоте и носит характер почти вполне ремесленной техники. Но общество находилось здесь несомненно на ступени родоплеменного строя, и цалкинские богатые курганы представляют погребения родоплеменной знати. Находка втульчатого копья и другие опорные данные позволяют отнести эту группу памятников, — пока изолированное явление в Закавказье, — к середине II тысячелетия до н. э., несмотря на ряд архаических особенностей их инвентаря, уводящих нас еще к шумерской эпохе.

Большую известность приобрел открытый еще в 1895 г. могильник у монастыря Кизил-Ванк в Нахичеванской АССР, где в каменных ящиках с лежащими набоку скелетами найден обильный инвентарь медно-бронзовых изделий (кинжалы, наконечники копий и стрел, булавы, украшения) и наряду с простой керамикой встречены сосуды, расписанные коричневой и черной краской по светлomu фону (полихромная керамика) геометрическими узорами (треугольники, ромбы, полосы) и стилизованными фигурами людей, птиц и животных.

Могильник у ст. Шахтахты содержал многочисленные погребения в каменных ящиках, иногда окруженных кромlexами; среди могил выделялось богатое погребение со скелетом лошади и с 30 сосудами, из которых один представляет выдающийся памятник полихромной расписной керамики. Сосуд расписан коричневой и черной краской по светлomu фону поясами изображений. В верхнем поясе изображены птицы, в среднем — пять козлов, лошади и бык, на которых нпадают какие-то звери, нижний пояс орнаментирован штрихами.

Рис. 125. Золотой кубок из Цалкинских курганов эпохи бронзы.

Поздняя бронза и начало железа представлены в Закавказье многочисленными могильниками конца II, начала

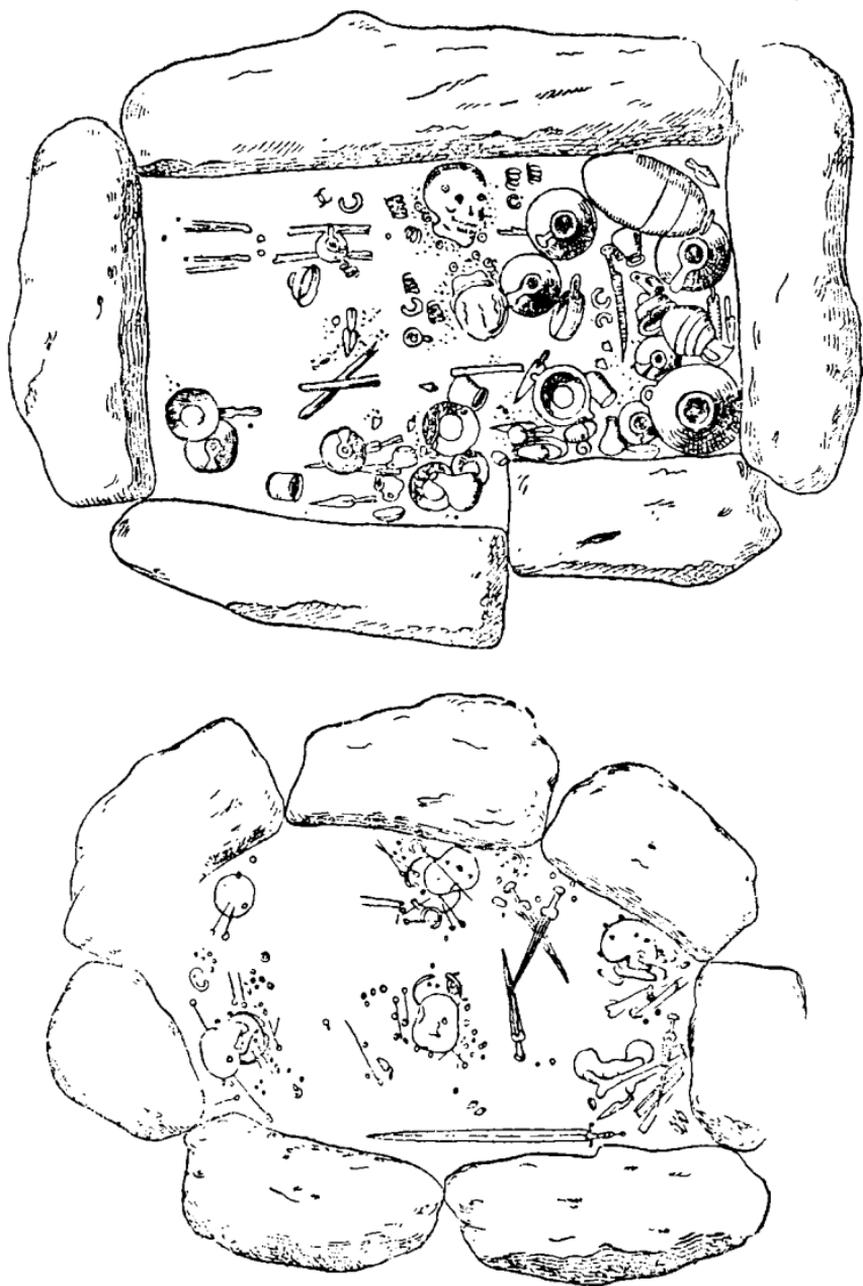

Рис. 126. Погребения конца эпохи бронзы, начала эпохи железа в Закавказье. Еленендорф.

I тысячелетия до н. э. (доурартское и урартское время), как, например, могильники у Мцхета в Грузии, Ханлар, Човдар, Ходжалы в Азер-

байджане, Редкин лагерь в Армении и мн. др. Среди них мы встречаем погребения в каменных ящиках и земляных ямах, с курганами и без курганов (рис. 126). По количеству и качеству инвентаря могилы резко делятся на богатые и рядовые. Встречаются парные разнополые захоронения — женщина следовала в могилу за своим мужем. В богатых могилах иногда представлены сопутствующие захоронения рабов. Так, в курганах Азербайджана вокруг богатого центрального погребения с большим количеством вещей в той же могиле располагались костяки без вещей или с немногими вещами. Интересно, что по морфологическим особенностям такие сопровождающие костяки иногда отличаются от костяка центрального погребения, что указывает на происхождение погребенных рабов из военнопленных. Примером таких богатых погребений с рабами может служить один из курганов юго-западного побережья озера Севан. В большом каменном склепе размером $3,20 \times 2,50$ м лежал мужской скелет с бронзовым оружием; у его правой руки находились бронзовые вилы. Здесь же была украшенная резьбой четырехколесная повозка — арба и кости четырех быков. У ярма арбы лежал скелет убитого при погребении раба — погонщика. Тринадцать таких же погребений рабов окружали арбу.

В составе металлических изделий в описываемых могильниках выделяются (рис. 127) замечательные предметы вооружения — мечи (бронзовые мечи на территории СССР известны только здесь), наконечники копий и стрел, ножи, кинжалы, массивные боевые секиры с полукруглым лезвием и другие формы боевых топоров (плоские топоры-молоты), близкие ассирийским типам этого оружия; украшения представлены подвесками в виде птиц или животных, браслетами, кольцами, фибулами (застежками) и многочисленными бусами. На одной из агатовых бус из ходжалинского кургана была клинописная надпись — имя ассирийского царя Ададмираари. Все это богатство бронзовых изделий, как показывают находки литейных форм, местного происхождения и свидетельствует о высоком развитии металлургии в Закавказье в это время с интенсивной разработкой местных руд, которыми богато Закавказье.

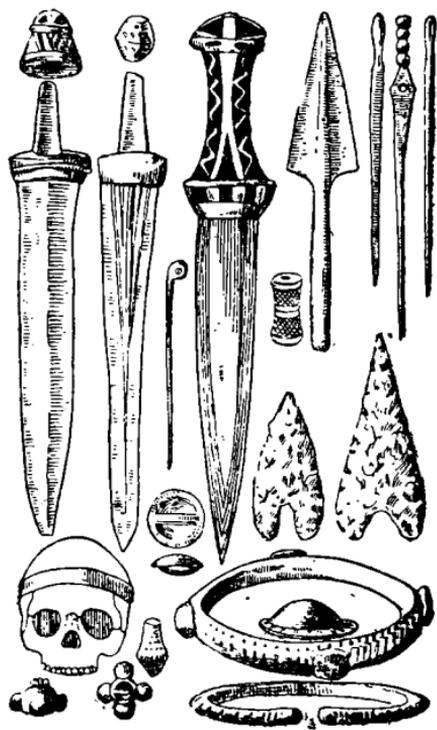

Рис. 127. Предметы конца эпохи бронзы и начала эпохи железа в Закавказье. Еленендорф.

Могильные памятники Закавказья делятся на местные группы (западнокавказскую, северозакавказскую, центральную, восточнокавказскую и зангезурскую) по особенностям типов вещей и по местным центрам рудных разработок. Вероятно, такое деление отражает расселение отдельных племен.

Поселениями в это время попрежнему служили вместе с открытыми селениями циклопические крепости, значение которых возрастает в связи с воинственным духом эпохи.

Из других важных памятников конца эпохи бронзы в Закавказье отметим древние оросительные каналы в районе Аракса, время которых определяется урартскими надписями о сооружении

некоторых из них. При каналах встречаются иногда гигантские каменные изваяния рыб или полурыб-полуживотных—вишапы (рис. 128), вообще известные в Закавказье.

Археологические памятники времени начала экспансии урартов из Вана в Закавказье, выразительные, как видим, сами по себе, дополняются известиями урартской клинописи, сохранившимися в виде монументальных надписей на скалах и крепостных стенах Ванского царства.

В свете обеих групп источников вырисовывается довольно отчетливая картина хозяйства и общественного строя Закавказья, как их застали урарты в период своего завоевания и господства (конец IX—начало VI вв. до н. э.).

В большой надписи на Ванской скале царь Сардур (750—733 гг.), перечисляя свои победы, говорит и о том, что он направился в страну Эрах (район нынешнего Лениакана), „страну захватил, поселения сжег и разрушил, страну опустошил, мужчин и женщин увел в Биайну“ и захватил добычу: 412 коней, 6665 быков, 25 735 овец. Эти цифры и постоянное наличие костей домашних животных в могилах характеризуют значение скотоводства в хозяйстве Закавказья в первых веках I тысячелетия до н. э. Преобладание овец указывает на горнопастбищный тип скотоводства. Что касается земледелия, то, как указано выше, оно развивается здесь до степени сложного ирригационного сельского хозяйства с целой системой (в долине Аракса) оросительных каналов. Из земледельческих орудий в могилах часто встречаются, кроме зернотерок, — серпы бронзовые и каменные из составных кремневых или обсидиановых вкладышей.

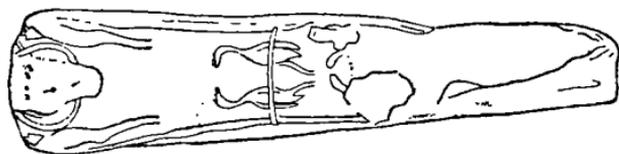

Рис. 128. Вишапы. Армения.

Итак, развитое скотоводство и земледелие, высоко развитая на базе местных руд металлургия, ремесло — вот основа хозяйственной жизни Закавказья в начале I тысячелетия до н. э. На такой основе патриархально-родовой строй достигает здесь крайней ступени своего развития.

Урартская надпись на скале у с. Цовинар (Армения, южный берег озера Севан) от имени царя Русы, сына Сардура (последняя треть VIII в. до н. э.) говорит о завоевании этим царем 23 стран в Закавказье: „всего двадцать три царя в один год я захватил, мужчин, женщин в Биаину увел...“ А царь Сардур в Ванской надписи упоминает о разрушении 22 крепостей в стране Уеликухи (западное побережье озера Севан). Откуда столько „царей“ и „царств“ в какой-то ограниченной, завоеванной Сардуром, части Закавказья этого времени и что это за крепости, разрушенные Сардуром?

Урарты в своих надписях пользовались привычными для них социальными терминами, соответствующими их собственному, уже рабовладельческому общественному строю. В действительности многочисленные „цари“ Закавказья были не царями, главами государственной власти, а еще племенными вождями, прямыми по своей общественной природе потомками тех родоплеменных вождей, которые оставили нам свои пышные погребения в курганах Триалети. „Страны“ или „царства“ — это племенные территории, а крепости — циклопические сооружения, существовавшие в Закавказье еще с начала эпохи меди и бронзы, а теперь усовершенствованные в связи с усилением военной опасности не только со стороны урартов, но и со стороны самих закавказских племен. Обилие боевого вооружения в могилах Закавказья также есть свидетельство учащения и усиления военных столкновений в это время.

Вождям и всей выделившейся родо-племенной знати принадлежат богатые погребения Закавказья с женами и рабами. Что касается племенных территорий, то, вероятно, местные своеобразия в формах культуры, в частности, распространение сходных по типу и по инвентарю могил позволят наметить здесь приблизительную картину расселения племен и их союзов по Закавказью.

Таким образом, патриархальный родо-племенной строй с высокой культурой с резко обострившимися внутренними противоречиями, с племенными союзами характеризует уровень общественного развития Закавказья в первых веках I тысячелетия до н. э. Урартское завоевание, охватившее небольшую территорию (районы Арагаца и озера Севан), было лишь толчком к образованию подготовленного собственным развитием местных племен рабовладельческого строя. Относительно немногочисленные завоеватели смешались с завоеванными. Образование племенных предковых групп современных армян и грузин-арменов, саспиров (позднее иберов), матиевых, алародиев, известных по греческим источникам середины I тысячелетия, совершалось в местной этнической среде, растворившей пришедших завоевателей.

Рис. 129а. Предметы культуры эпохи меди и бронзы на Сев. Кавказе.
I (древнейшая) стадия.

Рис. 129в. Предметы культуры эпохи бронзы на Сев. Кавказе.
III (поздняя) стадия.

б) Северный Кавказ

Памятники эпохи меди и бронзы на Северном Кавказе, так же как и в Закавказье, могут быть разделены на три хронологические группы (рис. 129а, б и в): 1) древнейшую — конец III, начало II тысячелетия до н. э. (поселение у хутора Долинского, Майкопский курган, древнейшие курганы с дольменами на Кубани); 2) среднюю II тысячелетие до н. э. (курганы так называемой среднекубанской группы и близкие к ним по культуре памятники) и 3) позднюю, характеризующуюся появлением железа — конец II, начало I тысячелетия до н. э. (кобанско-колхидская культура).

Неолитические или энеолитические памятники Северного Кавказа III тысячелетия до н. э. (нальчикский могильник, агубековское поселение) принадлежат племенам еще с охотничье-собираТЕЛЬСКИМ хозяйством (см. выше, стр. 253). Но уже значительно более высокую степень развития показывает нам поселение у хутора Долинского в районе того же Нальчика. На высокой террасе реки Нальчика здесь располагаются отдельными группами, занимая общую площадь в длину около 1500 м, остатки жилищ в виде хижин со стенами из обмазанной глиной плетенки, с очагами в виде глубоких ям, с глинобитным полом, с ямами-погребями для хранения запасов. В жилищах и среди жилищ в культурном слое здесь были найдены кремневые орудия (наконечники, ножи, резцы, долота), керамика и остатки уже земледельческо-скотоводческого хозяйства — каменные мотыки, зернотерки, кремневые вкладыши от серпов и кости рогатого скота. Прилегающие к жилищам участки земли, несомненно, обрабатывались, так как их древняя почва имеет признаки перемешанности, взрыхления.

Долинское — знаменательный памятник перехода племен Северного Кавказа к земледелию и скотоводству и несомненный аналог Очемчирского поселения Абхазии. Новая форма хозяйства, а также несомненное влияние Закавказья и Передней Азии, привели к быстрому развитию на Северном Кавказе необычайно яркой культуры начала эпохи меди и бронзы, представленной могильными памятниками, которые по своей керамике увязываются с Долинским поселением. Таковы знаменитый Майкопский курган и близкие к нему курганы с дольменами на Кубани.

Курган в г. Майкопе, раскопанный в 1897 г., является выдающимся примером богатых погребений патриархально-родовой эпохи. Он представлял огромную насыпь высотой в 10,65 м., под которой находилась обширная могильная яма 5,38×3,73 м, глубиной около 1,5 м, усыпанная по дну морской галькой. Деревянной перегородкой могила была разделена на три отделения. В южном — самом большом — находилось главное погребение. Окрашенный красной краской мужской скелет лежал на спине с подогнутыми ногами. На скелете и рядом с ним в могиле находилось громадное количество вещей (рис. 130):

с. 130. Натуральные предметы из коллекции старейшего иконского кургана.

две золотых диадемы от головного убора, бусы из золота, сердолика, лазури и бирюзы на шее, золотые височные кольца, кремневые наконечники стрел и микролитические орудия у колен. При погребении над покойником был установлен матерчатый балдахин на серебряных с золотыми концами трубчатых подставках, украшенных литыми из золота и серебра фигурками быков. Балдахин был украшен нашитыми на него многочисленными штампованными золотыми бляшками, изображающими львов (68 бляшек) и быков (19 бляшек). С течением времени балдахин распался, и часть его лежала на скелете или рядом с ним. У восточной стенки могилы находились 17 сосудов — 2 золотых, 14 серебряных и 1 каменный. Один из серебряных сосудов был украшен изображениями горного пейзажа (возможно, изображена кавказская цепь горных вершин), двух рек, соединяющихся в озере, и фигур животных — медведя, быков, лошади, кабана, антилопы, барана, львицы и льва. На другом сосуде изображена сцена нападения пантер на быка и козла. Кроме этого, в том же отделении могилы были обнаружены 8 бомбовидных глиняных сосудов и 10 орудий из меди — плоский кинжал, 2 плоских топора, один проушный, кирка, долото и пр. В двух северных отделениях находились женские сопутствующие захоронения с бусами и золотыми серьгами, с хозяйственной утварью — ведром с дужкой, кувшином, двумя котлами и т. д.

Как видим, Майкопский курган представляет действительно выдающееся явление в истории Северного Кавказа. По общему облику (богатство инвентаря, сопутствующее погребению) это довольно типичное погребение родо-племенного вождя патриархальной эпохи. Характерно сочетание довольно примитивных еще орудий из меди (например кованые медные топоры) и даже из камня с пышным великолепием изделий из драгоценных металлов, скорее всего еще не местного изготовления. Изображения на сосудах и штампованные фигуры зверей носят черты стилистической общности с искусством Передней Азии. О связях Майкопа со странами древнего Востока свидетельствует и материал некоторых изделий, не встречающийся на Северном Кавказе, — сердолик из Ирана, морская пенка из Малой Азии, лазурит из Средней Азии.

Майкопский курган — не исключение. Клад у станицы Старомышастовской, найденный в серебряном сосуде, содержал сходные с Майкопом вещи — золотую головку льва, золотые розетки, серебряную фигурку антилопы, бусы из золота, серебра, лазурита, сердолика. Сюда же примыкают два несколько более поздних погребения в дольменах, окруженных курганными насыпями у станицы Новосвободной на Кубани. Дольмены здесь состояли из двух камер — одна для погребения, другая для ритуальных целей (рис. 131). Костяки лежали в скорченном положении и были сильно окрашены красной краской. На одном сохранились остатки одежды — нижней холщевой и верхней меховой. Многочисленны находки орудий из меди — листовидные наконечники копий, топоры плоские и проушные, кинжалы

ножи и т. д. Встречены предметы из золота и серебра — булавки подвески и пр.

Более бедные курганы и отдельные предметы этой культуры известны и в других местах Северного Кавказа к западу от Пятигорска.

Вся эта древнейшая группа могильных памятников еще далеко недостаточно для нас ясна. Существуют значительные разногласия

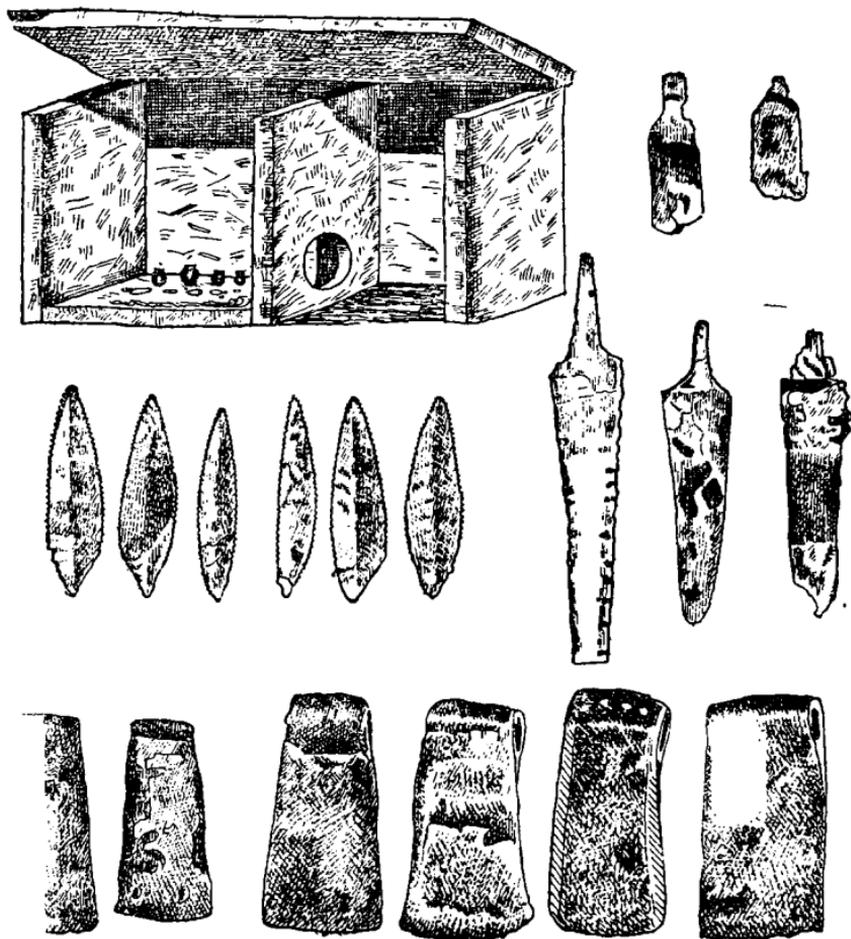

Рис. 131. Дольмены в курганах у станции Новосвободной и некоторые предметы из их инвентаря.

по вопросу об их хронологии. Майкопский курган датировался разными исследователями по-разному от начала III тысячелетия до н. э. и до непосредственно предскифского времени (VIII — VII вв. до н. э.). Но наличие в нем еще кованых медных изделий, близких по форме к древнейшим шумерским (проушный топор), и архаичность всего облика его инвентаря заставляют нас отнести этот памятник ко времени не позднее конца III, начала II тысячелетия до н. э. Вместе

с дольменами Кубани он — яркое свидетельство патриархально-родовых отношений и быстрого расцвета в Прикубанье еще в начале эпохи меди и бронзы культуры, отражающей переднеазиатское влияние.

Следующая хронологическая группа памятников (II тысячелетие до н. э. рис. 129б) известна почти исключительно по могилам-курганам предкавказья и могильникам с погребениями в каменных ящиках в горной зоне. Это так называемая среднекубанская группа, получившая такое наименование по местонахождению памятников на Кубани, где они были изучены ранее других районов их распространения (кроме Кубани в Кабарде и Пятигорске — до западного Дагестана; типичные вещи этой группы распространены и в дольменах восточного побережья Черного моря).

Курганы „среднекубанской“ группы содержат обычно несколько погребений в ямах, в катакомбах, в насыпи, в каменных ящиках. Для разнообразной по форме керамики характерна шнуровая орнаментация. Встречаются характерные глиняные курильницы в виде плоских чаш на крестовидной подставке (рис. 132). В кургане у Ульского аула была найдена глиняная модель повозки-кибитки.

Изделия из меди разнообразны — топоры плоские и так называемые вислообушные (рис. 132), наконечники копий с черенком, долота и шилья, украшения — венчики от головных уборов, височные кольца в виде завитков в полтора оборота, спиральные браслеты, характерные булавки Т-образной формы (с головкой в виде молоточка рис. 132), литые скульптурные фигурки животных. Характерны дисковидные подвески, являющиеся, как и мотив круга в орнаментации, свидетельствами первобытно-космических представлений и культов. Несомненно развитие собственной металлургии с освоением добычи и плавки медных руд. Встречаются клады из медных вещей, их обломков и слитков меди (Привольное, ст. Костромская

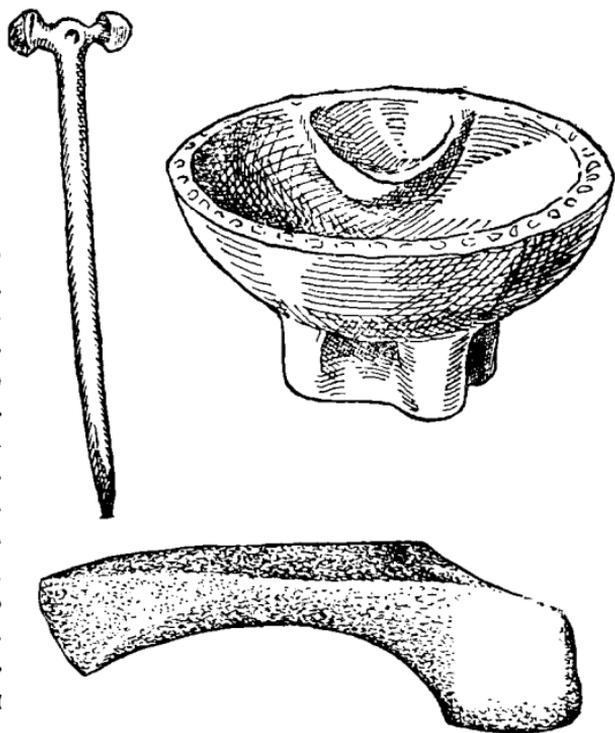

Рис. 132. Предметы среднекубанской группы погребений эпохи бронзы на Сев. Кавказе.

и др.). В технике изготовления изделий преобладает описанное выше литье по восковой модели.

Распространение этой культуры в горах (могильники у Галиат, Нижний Кобан и др., находки отдельных вещей) указывают на начало освоения горной зоны, несомненно, в связи с развитием пастбищного скотоводства.

Конец эпохи бронзы, начало эпохи железа (первые столетия 1 тысячелетия до н. э.) представлены на Северном Кавказе кобанской или кобанско-колхидской культурой, получившей свое наименование по знаменитому могильнику у села Верхний Кобан в горах Осетии, открытому еще в 1869 г. Ныне поселения и, главным образом, могильники этой культуры известны очень широко от Осетии к западу вдоль северного склона Кавказского хребта и на черноморском побережье. Могильники этого времени в горной зоне Северного Кавказа (Кобан, Чми, Камунта, Галиат и мн. др.) содержат богатые инвентарем погребения в каменных ящиках или в грунтовых могилах. Известны здесь и курганы с той же кобанской культурой (Кабарда, г. Орджоникидзе). На Черноморском побережье та же культура встречается в поздних (впускных) погребениях дольменов и рядом с ними; любопытны погребения в больших глиняных урнах до 1 м высоты, зарытых в землю.

Из этих могильных памятников до нас дошло огромное количество предметов, дающих весьма полное представление о кобанской культуре (рис. 129в). Хорошо обожженная керамика орнаментировалась в геометрическом стиле. Среди бронзовых изделий выделяется оружие—боевые топоры изысканной „кобанской“ формы, часто орнаментированные гравировкой, кинжалы без рукояти и отлитые с рукоятью, иногда украшенной звериными изображениями (рис. 133), наконечники копий и стрел. Очень характерны бронзовые принадлежности конского убора—удила, бляхи, затем бронзовые мотыки. Многообразны украшения: бронзовые фибулы (застежки), подвески в виде фигур людей и животных (оленей, кабанов, лошадей, собак, быков, затем рыб и птиц), булавки разнообразных форм, достигающих гигантских размеров (до 0,5 м), пояса из прокованной листовой бронзы с гравированными изображениями символов, животных и геометрических фигур.

Кобанская бронза отличается высоким техническим качеством. Содержание олова в ней достигает 14%. Применялись технически совершенные способы отливки как по твердой модели, так и с помощью воска; последний способ употреблялся для отливки украшений. И последующие способы обработки металла—ковка листовой бронзы, гравировка, пунцовка, инкрустирование—достигли высокого развития в кобанское время. Железо в это время употреблялось как драгоценный металл—для ювелирных изделий.

В области хозяйства для кобанской культуры характерно развитие пастбищного скотоводства в горных зонах и земледелия в долинах.

Различие между погребениями по инвентарю, парные совместные захоронения свидетельствуют о патриархально-родовом строе.

Имеются некоторые основания для решения вопроса об этнической принадлежности кобанской культуры. Греческие авторы VI—V вв. до н. э. — Гекатей Милетский, Геродот и др. — передают известия о богатой цветущей стране колхов — Колхиде, расположенной на восточном побережье Черного моря. К этой стране древние греки приурочивали ряд своих сказаний — знаменитый миф о Прометее, прикованном где-то в Кавказских горах, миф об аргонавтах — мореплавателях, искавших здесь золотое руно, и др. В VI—V вв. в Колхиде

Рис. 133. Гравированные изображения на предметах кобанской культуры.

возникают греческие колонии Пициунта, Диоскурия (у Сухуми), Фазис (нынешний Поти) в устье Риона, а затем и местные городские центры (например Эя). Складывается местное государственное образование скорее всего эллино-варварского типа. К началу IV в. здесь выпускались даже местные серебряные деньги — колхидки.

Как раз к догреческому легендарному периоду истории Колхиды и относится кобанская культура первых столетий I тысячелетия до н. э., распространенная по всему восточному Причерноморью — от Кубани до нынешней Турции (находка у Орду), на территории Колхиды греческих источников. Последним, естественно, гораздо лучше была известна лишь прибрежная полоса этой территории. Судя по нали-

чению очагов кубанской культуры на Северном Кавказе можно думать, что и Северный Кавказ в своей западной части принадлежал к тому же крупному разноплеменному объединению.

Итак, носителями кубанской культуры были различные племена западного и Северного Кавказа, известные античным источникам под общим наименованием колхов. Поэтому кубанская культура и носит теперь название кубанско-колхидской культуры.

Кавказу в эпоху меди и бронзы принадлежала, как указывалось, выдающаяся роль в истории восточной Европы, далеко еще полностью не оцененная. Отсюда по крайней мере в южной части восточной Европы происходит древнейшее знакомство с металлургией и ее техникой. В памятниках II тысячелетия до н. э. степной полосы часто встречаются типичные изделия „средне-кубанской“ культуры Северного Кавказа (булавки, топоры, глиняные курильницы и пр.). Любопытно и еще не разгаданное разительное сходство глиняных сосудов лесной фатьяновской культуры волго-окского района и культуры курганов с дольменами у станицы Новосвободной. Особенно резко это культурное влияние Кавказа сказывалось в конце эпохи бронзы, когда предметы кубанской культуры и культуры того же времени Закавказья в своем распространении достигли Приднепровья (находка пояса из листовой бронзы в Подгорцах у Киева, бронзовые изделия кубанских типов в ранне-скифских курганах, закавказские сосуды, склепаные из листовой бронзы и пр.) и среднего Дона (курганы поздней бронзы). Формирование древнейшей скифской культуры и скифского звериного стиля, повидимому, также связано с Кавказом. Восточная ветвь скифов—савроматы, меоты, синды—обитала к востоку от Дона, и важнейшим районам этой ветви было Прикубанье и Северный Кавказ. Здесь в Моздокском могильнике VII—VI вв. до н. э. со скорченными погребениями встречена позднекубанская культура в соединении с ранне-скифскими элементами. Но особенно важно, что именно в Прикубанье находятся наиболее ранние (VII—VI вв.) типичные скифские курганы, тогда как в Приднепровье преобладают более поздние памятники того же типа (V—IV вв.). Древнейшие памятники скифского искусства носят явные следы переднеазиатского и закавказского (урартского) влияния; только позднее распространяется характерное для днепровско-донских и крымских скифов влияние древне-греческой культуры. При этом древнейшие греческие вещи ионийского (малоазиатского) происхождения скорее всего проникали к скифам также через Закавказье от урартов, и лишь позднее в связи с развитием греческой колонизации установился прямой контакт между античным и скифским миром.

Если учесть, что скифская культура в ее многообразных связях лежала в основе последующего культурного развития варваров Юга восточной Европы, то становится особенно понятным важная культурная роль Кавказа с его древнейшими очагами этой культуры, и с его влияниями в процессе ее формирования. Позднее восточное славянство восприняло это наследие в скифо-сарматской его перера-

ботке и явилось крупнейшей движущей силой в дальнейшем развитии восточноевропейской культуры, но об этом мы будем говорить в III части курса.

2. Степная полоса

К северу от Кавказа известно много памятников эпохи меди и бронзы несравненно более скромных в сравнении с кубанскими и цалкинскими курганами или кобанской и закавказской культурой урартского времени, но, однако же, достаточно выразительных для понимания исторического развития племен степной полосы во II тысячелетии до н. э.

Степи северного Причерноморья и Нижней Волги по своим естественно-географическим особенностям были особенно пригодны для пастушеской жизни. Поэтому здесь в эпоху меди и бронзы быстро развивается скотоводство, ставшее в конце концов у степных племен самой важной отраслью производства. Однако широкое освоение собственно степных пастбищ произошло далеко не сразу, а лишь к самому концу эпохи бронзы в связи с возникновением кочевого скотоводства. До этого времени переходившие на скотоводство племена селились по берегам рек и ручьев и жили оседло по соседству с заливными долинами, которые давали корм для скота и были иногда удобны и для раннего мотыжного земледелия. Расположение древних поселений в пределах речных пойм или рядом с ними было, несомненно, обусловлено еще и тем, что в эпоху бронзы, т. е. в основном во II тысячелетии до н. э., был засушливый или ксеротермический период в истории климата, когда уровень воды в реках стоял гораздо ниже современного, а степи при незначительном тогда количестве осадков еще больше высыхали и были менее пригодны для использования человеком, чем в настоящее время. Существование этого ксеротермического периода в степной полосе и приспособление к нему человека доказываются, в частности, тем весьма наглядным фактом, что многие из поселений эпохи бронзы расположены здесь так низко, что в настоящее время заливаются водой.

Речные долины с их плодородными заливными лугами и были той зоной, где по преимуществу группировалось население эпохи бронзы в нашей степной полосе до возникновения кочевничества. Памятниками этого оседлого или полуседлого, жавшегося к рекам населения являются курганы со скорченными и окрашенными костяками, связанные с ним поселения и клады. Эти памятники расчленяются на различные хронологические и территориальные группы; изучение их, пока еще далеко недостаточное, показывает нам раннюю историю местных земледельческо-скотоводческих племен и расселение их по степи.

Древнейшие степные курганы со скорченными костяками нам уже известны (см. гл. XX, стр. 257). Это — курганы с так называемыми древнеямными погребениями; с ними местами связаны и дюнные поселения с микролитами. Оба вида памятников принадлежат охотничье-рыболовческому населению, еще всецело стояв-

шему на низшей ступени варварства. Но именно это население по крайней мере в бассейне Дона, Донца и Нижней Волги с началом эпохи бронзы развивает у себя скотоводство вместе с мотыжным земледелием и переходит к новой ступени развития. Этот процесс прослеживается как по более поздним, чем древнеямные, курганам, так и по поселениям.

Ранее всего скотоводство развивается, повидимому, в лесостепной полосе, т. е. в Приднепровье, на севере Украины, в Орловской и Воронежской областях и на Волге. В более поздних, но все еще ямных погребениях, относящихся к концу III тысячелетия до н. э., здесь вместе с покойниками находят уже и кости домашнего скота — коровы и овцы. В курганах, относящихся к первой

половине II тысячелетия до н. э., кости домашних животных становятся постоянным явлением, значительно учащаются находки предметов из меди и бронзы (ножи, шилья, подвески); меняет свой облик и керамика: старые яйцевидные или остродонные сосуды сменяются более совершенными плоскодонными сосудами, украшенными орнаментом из отпечатков шнура или зубчатого штампа. Из поселений с такой керамикой некоторому изучению подверглось одно из них на берегу реки Дона близ Во-

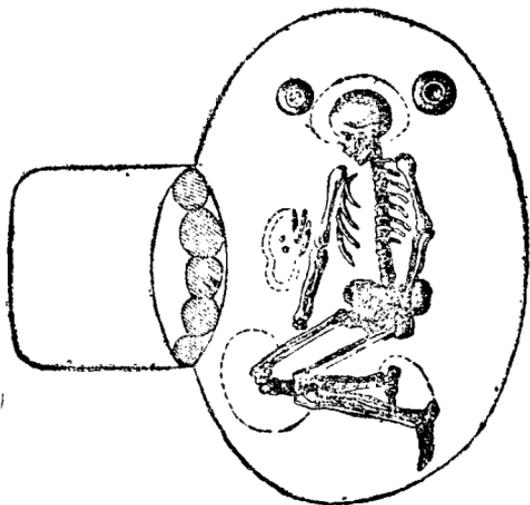

Рис. 134. Катакомбное погребение.

ронеза. Оно было расположено прямо в пойме, почти на самом уровне воды в реке.

Южнее только что описанных памятников хорошо известны одно-временные им курганы с так называемыми катакомбными погребениями, принадлежавшие другой группе переходивших на скотоводство племен. Лучше всего эти курганы изучены в бассейне реки Донца, где встречены и наиболее ранние их формы, прямо связанные с еще более ранними древнеямными погребениями.

Свое название катакомбные погребения получили оттого, что покойники в них хоронились не просто в могильных ямах, а в особых довольно глубоких нишах, или катакомбах, устраивавшихся в стенках могильных ям. Такие катакомбы выкапывались в очень плотном грунте — лёссе или лёссовидном суглинке, что сохранило их форму без изменений до нашего времени. Устройство курганов с катакомбными погребениями показано на чертеже (рис. 134).

Катакомбы имеют обычно овальную форму при средних размерах площади пола $1,10 \times 1,70$ м и при высоте сводчатого потолка не более 1 м. Вход в катакомбу из ямы заставлялся камнями или

Рис. 135. Предметы катакомбной культуры.

плитами, ее дно засыпалось красной краской (охрой), известью и золой. Красной краской посыпались и трупы (отсюда окрашенность костяков), а кроме того, краска нередко находится в описываемых могилах в особых жаровнях, представлявших чаще всего отбитые днища или стенки глиняных сосудов. Последнее обстоятельство на-

глядно показывает, что краска символизировала здесь огонь, как жизнетворящее начало, и, возможно, замещала в загробном жилище очаг. На Нижней Волге и на Маныче встречаются специально вылепленные из глины жаровни-курильницы совершенно северокавказского типа.

Находимые в катакомбах скелеты имеют всегда скорченное положение, обычно на правом боку, лицом ко входу в катакомбу. Среди находок, кроме медно-бронзовых вещей, чаще всего встречаются изделия из камня и кости, а также керамика. Из каменных изделий в этих могилах представлены типичное оружие охотника или воина (рис. 135): тщательно отретушированные кремневые наконечники стрел и дротиков, сверленные топоры, булавы, метательные камни, выпрямители древков стрел в виде пары складывавшихся пластин с желобками, которые охватывали древко, кремневые ножи. Наконечники выделялись и из кости, так же как шилья, булавки с двумя выступами наверху и некоторые украшения. К находкам предметов из меди и бронзы принадлежат (рис. 135): ножи, шилья, бусы, булавки частью северокавказских форм. Керамика из донецких катакомб очень похожа на керамику из одновременных более северных позднеямных погребений лесостепи. Сосуды этой, получившей название „катакомбной“, керамики имеют форму широких плоскодонных горшков с выпуклыми округлыми боками, часто с высокой шейкой (рис. 136). Они украшались орнаментом из отпечатков перевитого шнура и зубчатого штампа. В мотивах орнамента часты круги, спирали, четырехугольники, ромбы и другие геометрические фигуры, отражающие первобытно-космические представления о солнечном божестве.

Племена, оставившие курганы с катакомбами, занимались земледелием, о чем свидетельствуют находки обуглившихся зерен проса в горшках, находимых в таких курганах. Земля обрабатывалась каменными мотыками, образцы которых также встречались в катакомбных погребениях.

Вместе с земледелием здесь быстро развивалось и скотоводство. В катакомбах уже почти постоянно встречаются кости домашних животных, — чаще всего свцы (до 70% всех находок), затем коровы, козы и гораздо реже — лошади. Это или остатки напущенной пищи для покойника или же приношения в честь божества. Скотоводство в это время, несомненно, было оседлым, пастушеским; скот пасли поблизости от поселений на заливных лугах, где располагались и возделываемые участки для посева. Откочевки в степь, конечно, возможны были и на этой ступени.

Развитие скотоводства вело к возникновению патриархально-родовых отношений в обществе. Патрилокальный брак и низведение женщины до уровня собственности ужичи запечатлелись в сопутствующих погребениях женщин при мужчинах.

Таковы курганы с катакомбными погребениями, являющиеся памятниками ранних патриархальных отношений в донецком районе и

относящиеся к первой половине II тысячелетия до н. э. Поселения этого времени известны, но они еще далеко не изучены. Население жило в прибрежной полосе в округлых землянках, скорее всего с конической крышей. На поселении у станицы Луганской было открыто жилище с глинобитным полом и со стенами из плетенки, обмазанной глиной.

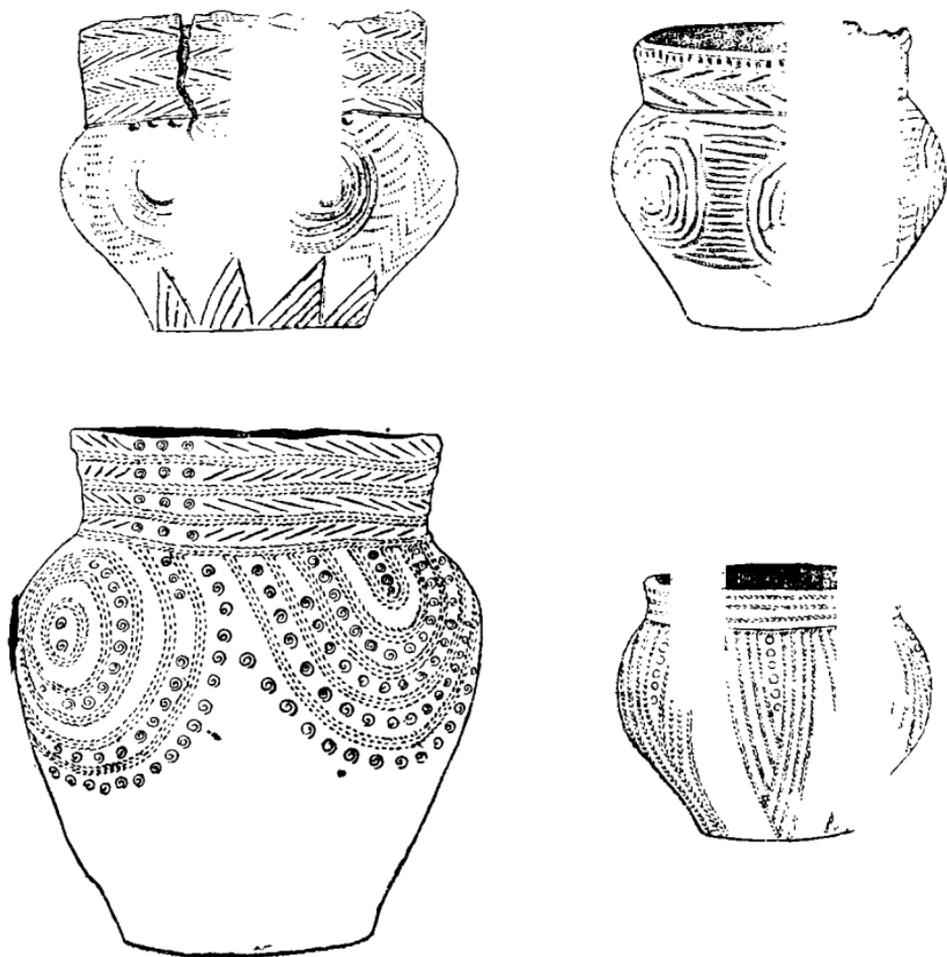

Рис. 136. Катакомбная керамика.

Катакомбные погребения распространены не только на Донце. Они известны в степях Причерноморья, на Маныче, в степях Нижней Волги и Северного Кавказа. Во всех этих районах, за исключением Донца, катакомбный обряд погребения удерживается очень долго, до конца эпохи бронзы, сохраняясь в видоизмененной форме в скифских курганах и даже в курганах сарматской эпохи (см. часть III).

В лесной части нижнего Поволжья, в районе Саратова, и к северу от него, катакомбные погребения отсутствуют. Здесь древнейшие

погребения прямо переходят в так называемые срубные, когда в могильных ямах устраивались сначала бревенчатые срубы и уже затем в них хоронились покойники.

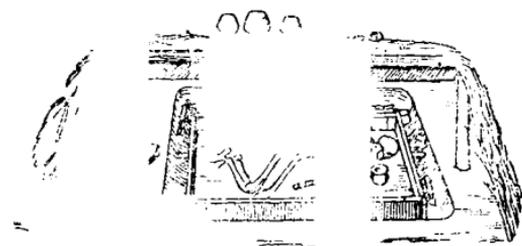
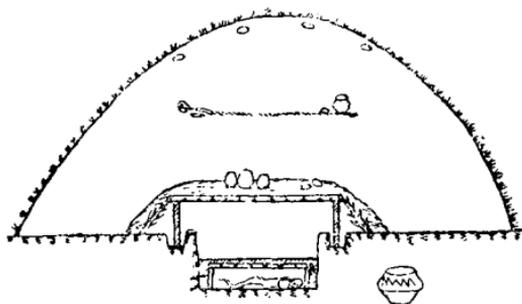

Рис. 137. Курган со срубным погребением.

В таких срубах покойники хоронились попрежнему в скорченном положении с вещами и напутственной пищей или жертвоприношениями. Погребения в насыпи, распространенные преимущественно в северном Причерноморье, имеют нередко коллективный характер: один и тот же курган служил для многократных последо-

Этот обряд захоронения в срубах под курганами во второй половине II тысячелетия до н. э. получает очень широкое распространение и к западу — в Причерноморских степях. К концу II тысячелетия до н. э. появляются самые поздние для эпохи бронзы в наших степях погребения прямо на земле непосредственно под курганными насыпями (погребения на горизонте), а также погребения в самой курганной насыпи (погребения в насыпи). С этими весьма многочисленными памятниками второй половины эпохи бронзы увязываются принадлежащие тому же населению остатки поселений и нередкие клады медных и бронзовых вещей. В целом получается довольно значительный материал (так называемая срубная или срубно-хвалынская культура), гораздо полнее и ярче характеризующий общественную жизнь, чем известный к настоящему времени несколько более древний материал из катакомбных и одновременных с ними погребений.

Устройство курганов со срубными погребениями показано на рисунке, изображающем план и разрез кур-

вательных захоронений, представляя скорее всего род большой семейной усыпальницы. Курганы с погребениями в срубках и насыпи располагаются обычно группами по несколько курганов в одном месте; каждая такая курганная группа принадлежала, вероятно, отдельной патриархально-семейной общине.

Находки в подобных курганах обычно немногочисленны. Среди них преобладает керамика, для которой очень типичны плоскодонные горшки двух основных форм (рис. 138): 1) так называемые острореберные, т. е. горшки с переломом или ребром в стенке, и 2) баночные, т. е. горшки с прямыми, почти отвесными стенками, по своей форме похожие на банки. Горшки из срубных погребений орнаментировались че- каном и шнуром, с помощью которых на стенки горшков наносились различные геометрические фигуры — ромбы, треугольники, перекрещивающиеся линии и т. п. Эта орнаментация, по всей вероятности, сохраняет тот же смысл, что и описанная выше орнаментация сосудов из катакомбных погребений. Сосуды баночной формы почти не орнаментированы, — это посуда чисто хозяйственного назначения.

Кроме горшков в срубных погребениях находят меднобронзовые вещи (наконечники копий и стрел, ножи, бусы, височные кольца и т. д.), а также изделия из камня (наконечники стрел, скребки) и кости (резные украшения, проколки).

Очень большую важность для понимания рассматриваемого периода в истории нашей степной полосы имеют относящиеся к нему поселения. Они известны к настоящему времени в значительном числе, а некоторые из них исследованы.

Ко времени типичных срубных погребений, судя по керамике, относится исследованное в 1932 г. поселение у с. Костенки близ Воронежа. Это поселение расположено на правом берегу реки Дона в непосредственном соседстве с поймой и в большое половодье заливается водой. Судя по распространению керамики этого времени, вымываемой рекой на протяжении почти километра вдоль берега, здесь существовало несколько поселений, вероятно, принадлежавших одной родовой группе. Раскопки одного из этих

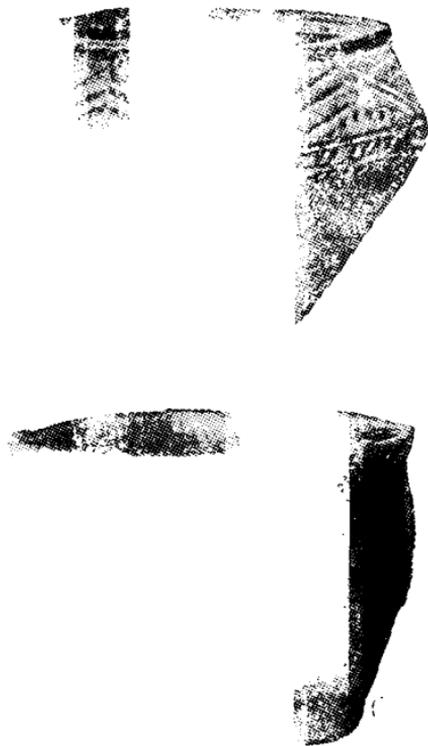

Рис. Керамика из срубных погребений.

поселений раскрыли в нем два жилища-полуземлянки, вырытые в черноземе и отчасти в подстилающем его песке. Одно такое жилище имело прямоугольную форму и размеры 20×9 м (см. часть I, рис. 2). Двускатная, по всей вероятности, крыша поддерживалась врытыми в землю столбами. В задней, т. е. противоположной от входа части жилища, было устроено земляное возвышение, очевидно — нары для сна. На полу находились два очага в виде скопления углей и золы с обломками глиняных сосудов и две кучи отбросов — преимущественно костей домашних животных. Другое — соседнее с этим — жилище имело такие же размеры и форму. Любопытно, что в нем было обнаружено скорченное погребение. В культурном слое посе-

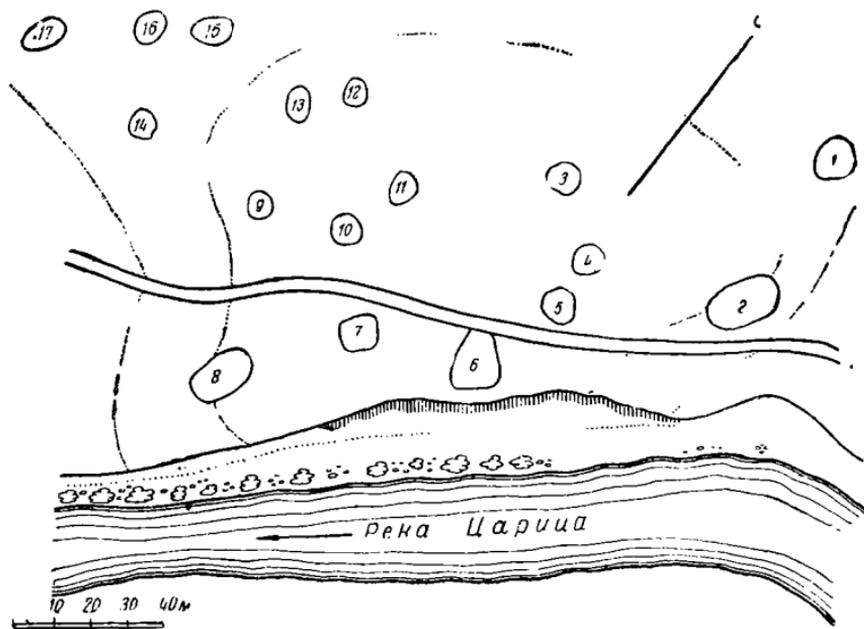

Рис. 139. План поселения эпохи бронзы у хутора Ляпичева на Дону.

ления было найдено большое число обломков керамики с типичной орнаментацией из геометрических фигур, бронзовое долото и шило, 2 бронзовых серпа (см. часть I, рис. 3), много орудий из кости, в том числе несколько лошад из ребер коровы для обработки кожи и множество костей животных почти исключительно домашних.

Несколько более позднее поселение конца эпохи бронзы было открыто на нижнем Дону близ хутора Ляпичева. Оно расположено на правом берегу реки Царицы, близ впадения ее в Дон. Исследованиями, произведенными в 1932 г., здесь было обнаружено 17 углублений или впадин в земле, представляющих остатки древних сооружений (рис. 139). Три из них, находящиеся у самого берега реки, выделялись своей величиной, имея площадь около 20×9 м.

Остальные имели округлую или подчетыреугольную форму диаметром до 7—8 м. Были исследованы два сооружения—одно малое, другое большое. Малое представляло жилище—полуземлянку квадратной формы площадью 9×9 м с крышей на столбах, следы которых сохранились в виде ям на полу жилища. В центре пола находился очаг. Большое сооружение также оказалось полуземлянкой прямоугольной формы размерами 20×8 м. В середине землянки вдоль длинных ее стенок шли два ряда ямок от столбов, характеризующие конструкцию перекрытия. Эти столбы поддерживали каркас двускатной крыши из жердей, нижние концы которых упирались в землю по краям землянки, где следы их сохранились в виде рядов ямок. Учитывая легкость такого каркаса, следует полагать, что материалом для крыши служила солома или камыш. В поселении были найдены орудия из камня и кости, а также в большом количестве обломки керамики, часть которых имела орнаментацию наклепными валиками, что заставляет отнести это поселение ко времени погребений в насыпи и на горизонте.

Подобного рода поселения с большими жилищами в виде полуземлянок были широко исследованы И. В. Синицыным в Заволжье на реке Иргизе, где раскинулась крайне разветвленная сеть таких поселений, на Нижней Волге близ Сталинграда.

Третью категорию памятников рассматриваемого периода составляют клады медно-бронзовых вещей, например клад у с. Князь-Григорьевка, где было найдено 50 топоров и серпов вместе с кусками необработанной меди, у с. Сосновая Маза, близ Хвалынска, где также были найдены топоры, серпы и необработанная медь (рис. 117) и др.

Суммируя материалы из курганов с погребениями в срубках, в насыпи и на горизонте, из поселений и из кладов, мы можем дать следующую характеристику периода в истории наших степей, представленного этими памятниками (вторая половина II тысячелетия до н. э.).

Металлургия меди и бронзы в это время достигает здесь высокой степени развития. В обращении был уже довольно богатый ассортимент медно-бронзовых изделий (рис. 140)—топоры-кельты разных типов, например с ушками и без ушков, нескольких форм наконечники копий и стрел, кинжалы, серпы, косы, долота, шилья, ножи, различные украшения и привески. Широкое распространение литейных форм показывает, что плавка готового металла и литье производились повсеместно. Труднее дело обстоит с неисследованным пока вопросом о местах первоначальной выплавки металла, распространявшегося в степи. Остатки древних медных разработок обнаружены близ Бахмута. Отсюда, но главным образом с Кавказа, медь и бронза распространялись по северному Причерноморью. Среднее и нижнее Поволжье могло получать металл и с Урала, где древние медные шахты известны, но не изучены. Медь сплавлялась с цинком, мышьяком, свинцом. Сплав меди с оловом здесь встречается редко.

Разумеется, медь и бронза далеко не вытеснили здесь, как и в других местах, камень и особенно кость как материал для орудий

труда. В срубных погребениях и в поселениях часто встречаются кремневые скребки, ножи и наконечники стрел, тщательно отретушированные, проколки и ложила из кости и т. п.

Система хозяйства у населения наших степей времени срубных погребений представляет дальнейшее и более полное развитие того сочетания пастушеского скотоводства и мотыжного земледелия в поймах рек, которое уже возникло здесь к началу II тысячелетия до н. э. (время катакомбных и одновременных с ними погребений). Находки костей домашних животных в срубных и более поздних погребениях весьма обычны. Ценнее для изучения состава стада аналогичные находки на поселениях, где кости животных накапливались не в результате отбора в связи с требованиями религиозных верований, как это было с костями, находимыми в могилах, а просто в качестве отбросов пищи человека. Среди костей домашних животных, найденных на поселениях около 50% принадлежат крупному рогатому скоту, 25% — овцам, около 20% — свиньям и приблизительно 5% — лошадям. Кости диких животных встречались в незначительном количестве, что указывает на совершенно второстепенную роль охоты в сравнении со скотоводством. Изучение костей крупного рогатого скота доказало наличие в это время двух его пород — мелкой и более крупной, мясной. Развитие молочного хозяйства в это время не подлежит сомнению, так же как и применение скота в качестве средства передвижения. Шерсть овец шла на изготовление пряжи и тканей, находки которых известны в курганах этого времени. Широко были использованы также шкуры и кожи скота. Из них изготовлялись обувь, одежда, ремни, покрытия кибиток и шалашей и т. д. На поселениях этого времени очень часто встречаются орудия для обработки кожи — ложила для очистки кожи от мездры, кремневые скребки, ножи, а также костяные или бронзовые шилья и иглы для сшивания шкур и кожи.

Из сказанного видно, что в период срубных и более поздних погребений скотоводство достигло такого развития, что могло удовлетворить большую часть потребностей населения.

Что касается земледелия, то оно также имело очень важное значение. В памятниках этого времени часто находят земледельческие орудия, мотыки из камня и каменные зернотерки. Возделывалось просо, зерна которого находили и в курганах и на поселениях, а также, вероятно, и другие растения, например корнеплоды.

Развитое пастушеское скотоводство, металлургия, общественное разделение труда обусловили укрепление и дальнейшее развитие патриархально-родовых отношений. К этому времени в наших степях, повидимому, сложилась патриархально-семейная община, или большая патриархальная семья. Большие жилища полужемлянки на поселениях времени срубных и более поздних погребений, имевшие жилую площадь до 200 кв. м., служили для совместного обитания скорее всего таких больших семейных коллективов, сообща ведших свое усложнившееся хозяйство. Общность очагов в жилищах и нали-

чие очень больших сосудов говорят за коллективное домохозяйство обитателей больших полуземлянок в поселениях эпохи бронзы.

Таким образом, племена, обитавшие в Причерноморских и Нижневолжских степях и во второй половине эпохи бронзы вели в главной

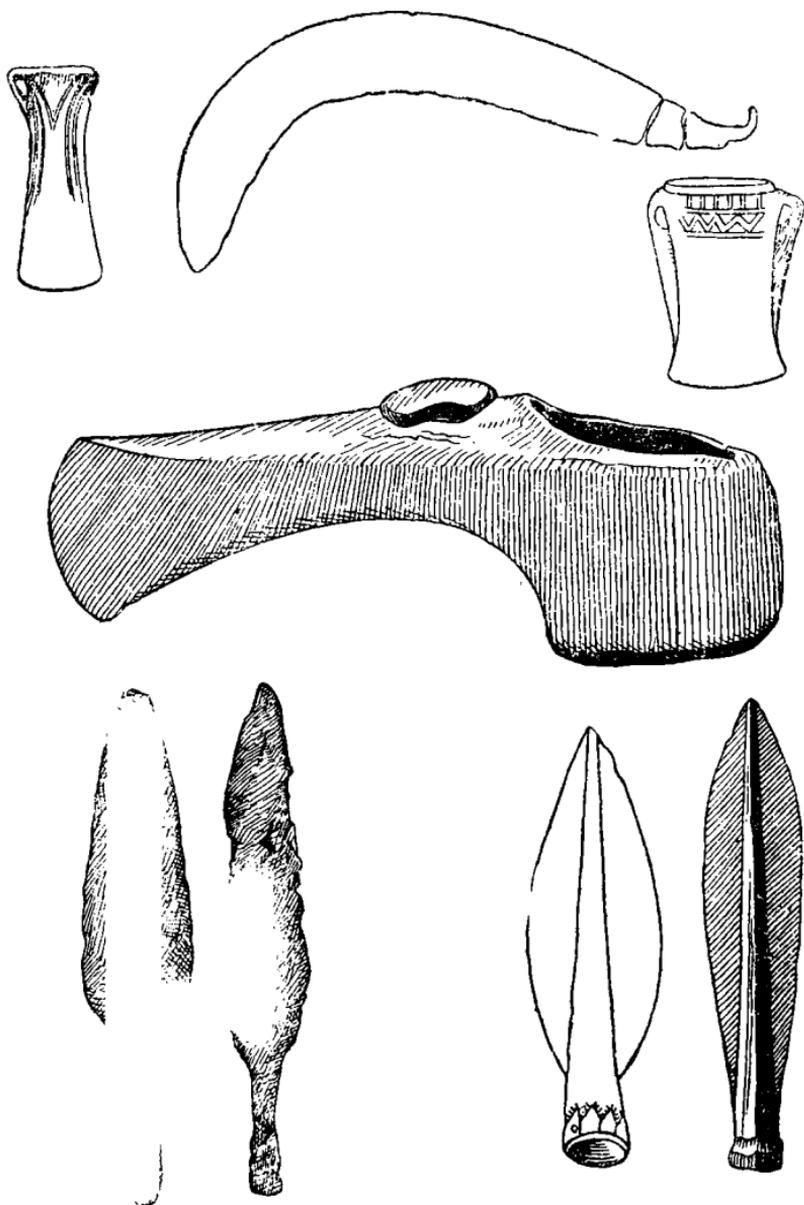

Рис. 140. Предметы срубной культуры.

своей массе еще оседлый образ жизни; на основе пастушеского скотоводства и мотыжного земледелия у них развивался патриархат в его ранней форме с большой семьей, как самостоятельно хозяйствующей единицей, но при значительных пережитках матриархата

и, судя по отсутствию признаков резкого имущественного расслоения (однообразие курганных погребений), при сохранении первобытно-общинного равенства. Только возникновение кочевого скотоводства приводит здесь к образованию развитого патриархально-родового строя с его типичными особенностями.

Раннее освоение собственно степных пастбищ происходило в форме перехода от оседлого пастушеского к кочевому скотоводству, совершавшегося в Причерноморье в конце эпохи бронзы. Образующиеся патриархальные семьи с их самостоятельным хозяйством, конечно стремились к увеличению главного своего богатства — скота. Но при оседлом пастушеском скотоводстве существуют определенные лимиты для численности голов в стаде, определяющейся границами возможной при оседлости площади выпаса. Чтобы увеличить стадо, надо было расширить границы пастбища, но это было возможно только при ликвидации оседлого земледельческо-пастушеского образа жизни. От пастушеского скотоводства, игравшего в это время, в сущности, подсобную роль при мотыжном земледелии, надо было перейти к кочевничеству. Постоянное передвижение со стадами с места на место по широким степным пастбищам и дало возможность чрезвычайно широкого увеличения числа голов в стаде, возможность развития чистого кочевнического скотоводства. В этом основная суть процесса выделения чистых скотоводов из массы оседлого земледельческо-скотоводческого населения, „выделения скотоводческих племен из остальной массы варваров“.

Кочевнические объединения семей могли выделяться из общей массы оседлых племен степной полосы в течение всей эпохи бронзы по мере развития скотоводства, особенно при освоении засушливой полосы (Прикаспийские степи), но отражение этого процесса в археологических памятниках еще предстоит выяснить. Во всяком случае некоторые группы степных курганов конца эпохи бронзы и начала эпохи железа носят уже вполне типический облик кочевнических погребений. Таковы, например, курганы Нижневолжских степей; из них обширная курганная группа (до 50 курганов) у Элисты в Калмыкии подвергалась в последние годы систематическим раскопкам, давшим весьма важные результаты. Погребения располагались в ямах под курганами и содержали инвентарь конца эпохи бронзы; в одном из курганов было найдено уже железное копьё. Любопытно наличие в некоторых ямных погребениях близ Элисты следов от вертикально воткнутых в землю по стенкам ямы жердей — скорее всего от кибиток или кочевнических шатров. Среди рядовых погребений здесь выделяются своими размерами (до 7 м высоты и 50 м в диаметре) курганы с богатыми погребениями, несомненно, кочевнического типа. В одном таком кургане по углам могильной ямы непосредственно под насыпью на древней почве лежали четыре колеса от арбы кибитки (сохранились их отпечатки в грунте), два таких колеса оказались в могиле, дно было устлано большим ковром, являющимся типичной

принадлежностью кочевнического инвентаря. Ковром была покрыта могильная яма и сверху. Здесь же была найдена глиняная модель кочевнической повозки на колесах. Подобная же модель была найдена опять-таки в кургане еще эпохи бронзы на Северном Кавказе (Ульский аул).

Со всей яркостью особенности кочевнического общества выступают перед нами в памятниках уже скифской эпохи, о чем речь в III части.

Если переходившие на кочевничество семьи развили тип чистого скотоводческого хозяйства, то сохранившие оседлый образ жизни племена перенесли центр тяжести своего производства в область земледелия, получившего свое дальнейшее развитие, главным образом, в области лесостепи (Приднепровье, Курская и Воронежская области), где по природным условиям местность была мало пригодна для кочевничества. К концу эпохи бронзы здесь возникает плужная обработка земли и складывается оседлое земледельческое общество в своей южной части, позднее получившее у древних греков собирательное наименование скифов-земледельцев, скифов-пахарей.

И кочевники и земледельцы-пахари, как увидим, переходят к высоким формам родо-племенного строя.

С памятниками эпохи бронзы в северном Причерноморье связана еще вполне загадочная проблема киммерийцев. Так греческие авторы называют народ, обитавший в Причерноморье до скифов, т. е. как раз в конце эпохи бронзы. По Геродоту, „страна, занимаемая теперь (т. е. в V в. до н. э.) скифами, первоначально принадлежала, говорят, киммерийцам“; скифы вытеснили их из северного Причерноморья в Малую Азию, „но, — говорит Геродот, — и теперь есть в Скифии киммерийские стены, есть киммерийские переправы, есть область, называемая Киммерией, есть так называемый Киммерийский Боспор“ (нынешний Керченский пролив).

Киммерийцы были известны еще героической Греции. Так, Одиссея упоминает о киммерийцах, рисуя их страну чертами, заимствованными из легендарных представлений о Севере:

Скоро пришли мы к глубоко текущим водам океана;

Там киммериян печальная область покрытая вечно
Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет

Оку людей там лица лучезарного Гелиос, землю ль

Он покидает, всходя на звездами обильное небо.

С неба ль, звездами обильного, сходит, к земле обращаясь;

Ночь безотрадная там искони окружает живущих.

И ассирийская клинопись VIII—VII вв. до н. э. говорит о киммерийцах (Гимирру), совершавших опустошительные набеги на Переднюю Азию.

Источники характеризуют киммерийцев, как воинственный народ с царями во главе, со сплоченной военной организацией, угрожавшей могущественной ассирийской державе, успешно нападавший

на Малую Азию, разрушивший фригийское царство, захвативший Трою. Только вторжение скифов, вытеснивших киммерийцев в Малую Азию, прекратило их господство в северном Причерноморье.

По времени киммерийцам могут принадлежать описанные выше памятники поздней эпохи бронзы, но дело в том, что по своему общему облику эти памятники характеризуют нзм мирное население со слабыми еще явлениями расслоения, с отсутствием признаков военной организации, военного сплочения и военного могущества. Повидимому, военные подвиги принадлежали какому-то племенному объединению или народу, известному ассирийцам и грекам под названием „киммерийцев“, обитавшему где-то к северу от Греции, в районе Черного моря (Крым, Северный Кавказ) и археологически еще не выявленному. Затем название киммерийцев стало собирательным и распространилось на все племена, жившие севернее Черного моря. Киммерийцы стали синонимом обитателей северных стран („Там киммериян печальная область...“) В этом, т. е. в собирательном и весьма условном смысле ассирийских и греческих источников культура эпохи бронзы северного Причерноморья может быть названа киммерийской или — в яфетидологическом смысле — киммерской культурой, так же как общим термином скифской или тем более сарматской культуры покрывается в сущности значительное разнообразие местных культурных форм северного Причерноморья в эпоху раннего железа. Проблему киммерийцев еще предстоит разрешить. Возможно, что воинственная группа киммерийцев, или киммерийцы, собственно, представляла наиболее раннее, еще доскифское объединение местных кочевнических племен с развитым родо-племенным строем, с типичной для кочевников подвижностью и склонностью к военным набегам. И, может быть, Прикубанье с его ранними (VII—VI вв. до н. э.), богатыми курганами, принадлежащими восточной группе скифов, и было до скифов центром такого объединения киммерийских племен.

3. Среднее и нижнее Приднепровье

На юго-западе СССР (среднее и нижнее Приднепровье, западная Украина) отдельные предметы из меди встречаются еще в памятниках трипольской неолитической культуры, куда они попадали скорее всего из Средиземноморья через Балканский полуостров. Только с наступлением здесь собственно эпохи бронзы (II тысячелетие до н. э.) изменяются вся система хозяйства и весь облик старой неолитической культуры Триполья. Развивается скотоводство, параллельно усиливается значение охоты, хозяйственная роль земледелия временно отступает на задний план, чтобы затем вновь усиливаться в связи с появлением плуга. Матриархат, столь ярко отраженный в памятниках трипольского неолита, сменяется патриархально-родовым строем.

Вместо старых матриархально-родовых трипольских поселений с глиняными полами или площадками коллективных жилищ в Приднепровье возникают поселения нового типа с гораздо более скромными жилищами типа землянок или небольших наземных сооружений и с культурой, носящей с внешней стороны характер некоторого огрубения или упадка. Таковы поселения в Киеве, Бортничихи и Ржищев в районе Киева, раскопанные еще Хвойко, поселения у Городска под Житомиром, у Райков близ Бердичева, у Лукашей и Евминки на левобережье. На таких поселениях встречаются жилые ямы, являющиеся или (при очень малых размерах) очажными углублениями наземных жилищ или же жилищами-землянками. На поселении у Ржищева землянки (рис. 141) имели в плане размеры до 4 м в ширину и до 6 м в длину при глубине от 0,30 до 0,70 м;

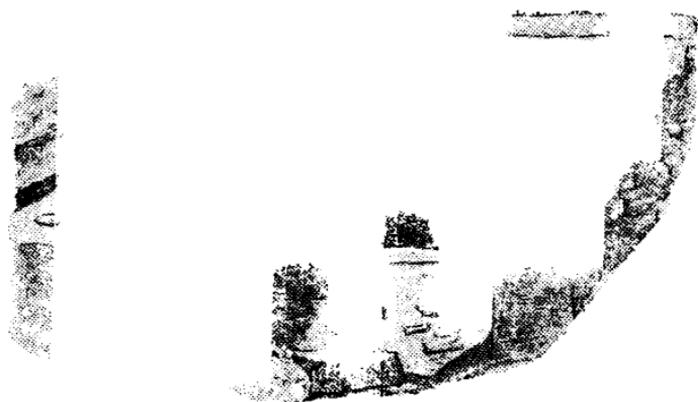

Рис. 141. Поздне трипольская землянка эпохи бронзы у Ржищева.

в середине землянок находились очажные ямы 1,50 на 2 м при глубине до 2—3 м со скоплениями на дне костей, угля и золы и с остатками очажных сооружений. Аналогичные землянки или отдельные очажные ямы были открыты в самом Киеве (Кирилловская улица), в Бортничихах, в Городске. В Городске и в Райках были обнаружены наземные остатки глиняных печей в виде небольших (до 1,5 м в длину) площадок из обожженной глины. В Киеве на Кирилловской улице В. Хвойко открыл 41 землянку четырехугольной формы 3—5 м длины, 0,30—0,40 м глубины; посредине этого пространства находились более глубокие четырехугольные ямы со сторонами до 2,25 м. В глубоких ямах находились очаги. Внутри землянок были устроены деревянные стенки из плетня на кольях, возвышавшиеся над землей. Среди культурных остатков таких поселений (рис. 142) при исключительном обилии костей домашних и диких животных преобладают орудия из этого же материала, т. е. из кости и рога (наконечники, мотыки, проколки, рубящие орудия); много орудий из кремня — шлифованные топоры, характерные кривые ножи, наконечники копий и

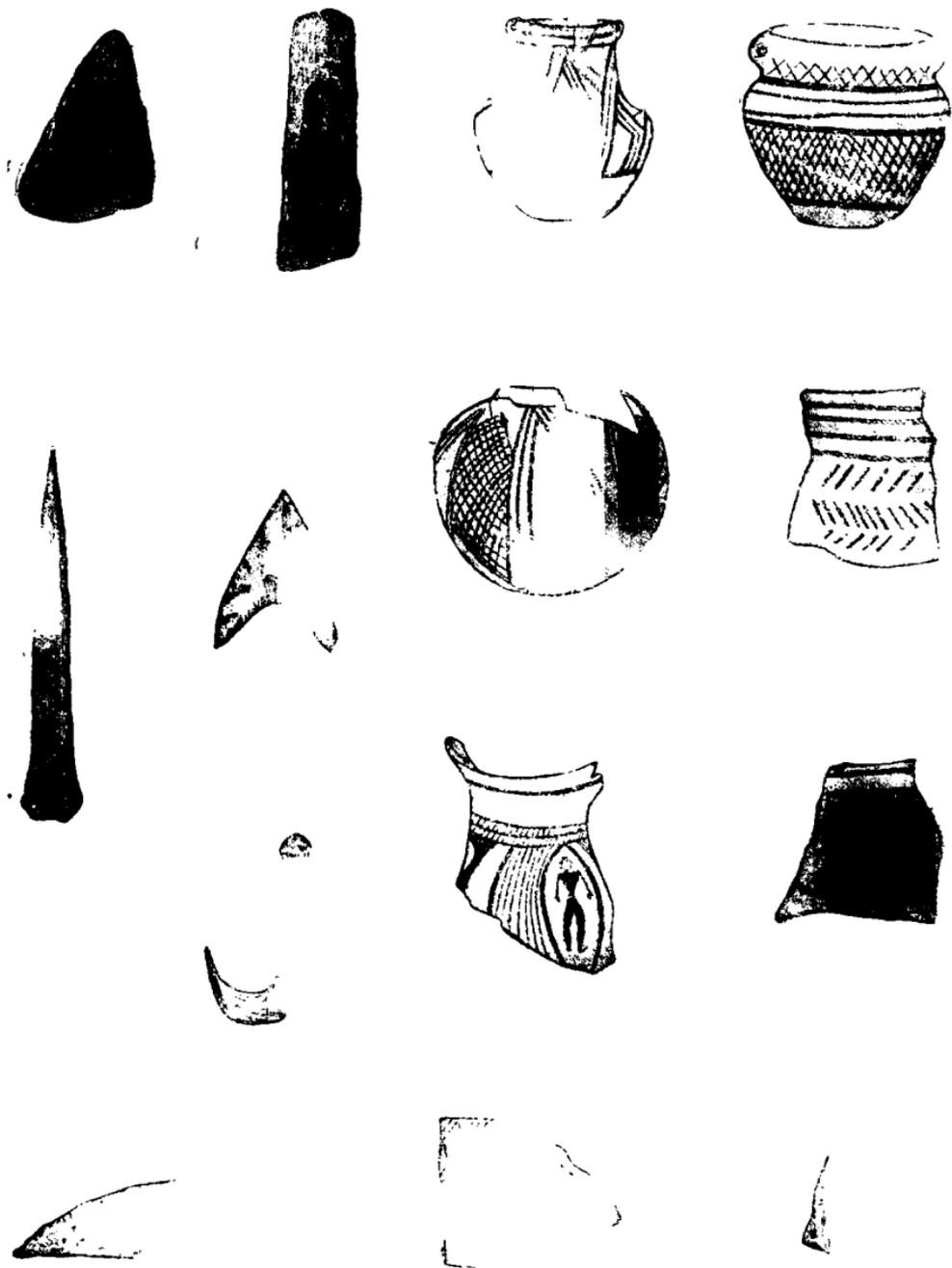

Рис. 142. Предметы поздне трипольской культуры эпохи бронзы.

стрел. Встречались литейные формы — признак развития местной металлургии. Керамика по сравнению с ранним трипольем ухудшается. Качество глиняного теста грубеет, роспись сосудов постепенно исчезает и заменяется другими приемами орнаментации — путем оттискивания веревки (веревочный или шнуровой орнамент) и различных штампов, в частности, гребенчатого. Поздняя расписная керамика на поселениях этого типа встречается всегда в смешении с нерасписной — веревочной и гребенчатой.

По своей топографии эти поселения поздне трипольского типа уже не связаны с лёссовыми почвами; они располагаются и в низинах — на нижних террасах рек, на песчаных дюнах.

Таким образом, весь характер поздне трипольской культуры (топография поселений, огромные скопления костей животных — рогатого скота и диких животных в культурном слое, инвентарь орудий) указывает на возрастающее значение скотоводства и охоты в хозяйстве, а тип жилищ (небольшие землянки) свидетельствует об обособлении в это время семьи патриархального типа, что подкрепляется данными могильных памятников.

В Молдавской АССР и в районе Одессы известны курганы с вещами и керамикой поздне трипольских поселений. Большой интерес представляет полный комплекс поздне трипольских памятников в Усатове под Одессой, состоящий из поселения с остатками жилищ в виде их каменных оснований, вымосток и очагов и из прилегающих к поселению курганов. Усатовские курганы содержат по несколько могил, огражденных кругами из камней. В центре располагалось обычно богатое погребение (с медными вещами — кинжалами и топорами), вероятно, главы патриархальной семьи, вокруг — погребения женщин, парные разнополые захоронения, погребения детей. Общий характер этих курганов носит, таким образом, черты патриархально-семейных погребений.

На территории правобережной Украины — на Волыни, в Подолии, — далее в Восточной Галиции известны дюнные поселения и различные группы могильных памятников эпохи меди и бронзы — курганы чаще всего со скорченными погребениями, иногда и с трупосожжениями, и бедным инвентарем и каменные ящики. В последних обнаружены коллективные последовательные захоронения скорее всего — семейного типа, а также трупосожжения с помещением сожженных костей в глиняные урны (обычай, который позднее выступает в поздних курганах скифов-пахарей и особенно в погребениях предков восточных славян-антов).

Курганы со скорченными погребениями и каменные ящики содержат разнообразную керамику (рис. 143), для которой особенно характерны шаровидные сосуды — амфоры с ушками и яйцевидные сосуды со шнуровой орнаментацией, кружки с ручками и колоколовидные сосуды — элементы культуры, проникавшей сюда с запада. Для каменных ящиков очень характерны прекрасные изделия из темного кремня —

кривые ножи, пилы, вкладыши для серпов, наконечники (так называемая волынская кремневая культура, рис. 143).

В самом конце эпохи бронзы и в начале эпохи железа в западной Украине появляется с запада поздняя лужицкая культура (могильники и клады), которая получает здесь смешанный скифско-лужицкий облик.

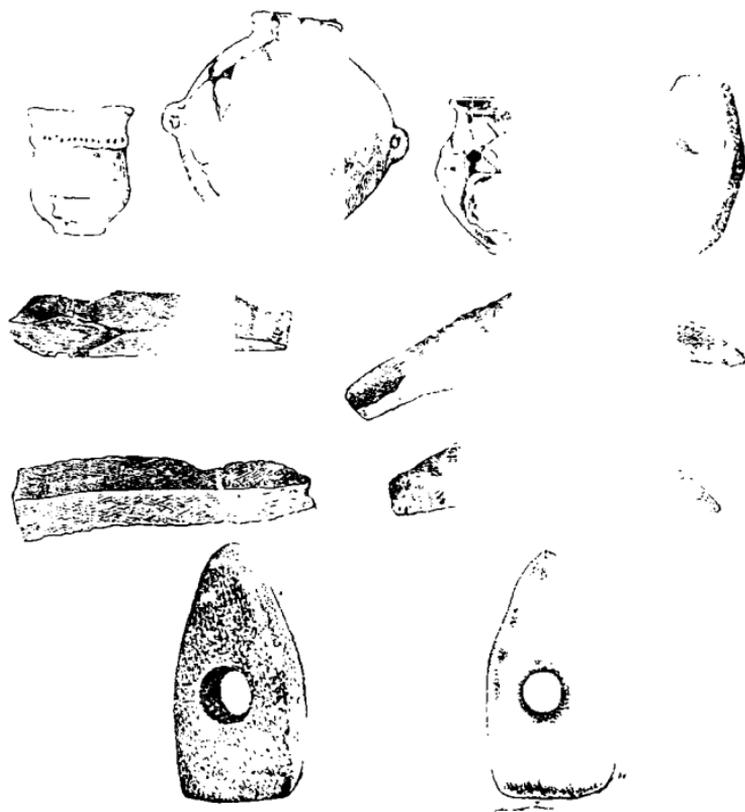

Рис. 143. Предметы культуры эпохи бронзы на Волыни и в Подолии.

В нашем изложении мы не касались культур эпохи развитой бронзы в западной Европе, но ввиду важности одной из них, именно — лужицкой культуры, для проблемы этногенеза славян, о чем будет речь в III части нашего курса, мы должны дать здесь хотя бы краткую ее характеристику.

Лужицкая культура (название дано по Лужицкой области, или Лузаци, южный Бранденбург) выделена по формам керамики и по преимущественному (далеко не исключительному) обряду погребения в могильных ямах с сосудами-урнами (поля урн). Она относится к эпохе бронзы и раннего железа (приблизительно 1600—500 гг. до н. э.) и распространена на обширнейшей территории — от области между верхней Эльбой и верхней Вислой на севере и Венгрией на юге (восточная Германия, т. е. Саксония, Тюрингия, Бранденбург, западная Польша, Чехословакия, нижняя Австрия, часть Венгрии). В поздних вариантах эта культура распространена еще шире, доходя на востоке до Правобережной Украины, на севере до Скандинавии.

Керамика ранней лужицкой культуры (1600—1200 гг. до н. э.) представлена (рис. 144) плоскодонными сосудами биконической формы, сосудами с округлым пузатым туловом и высокой и высокой, слегка конической шейкой, амфоровидными и кратеровидными сосудами с двумя ручками, блюдами, более мелкими чашками с высокой ручкой. В орнаментации чувствуется тенденция к пластике, что выражается в глубоких бороздах, валиках, ребристых выступах или каннелюрах линейного орнамента, украшающего по-

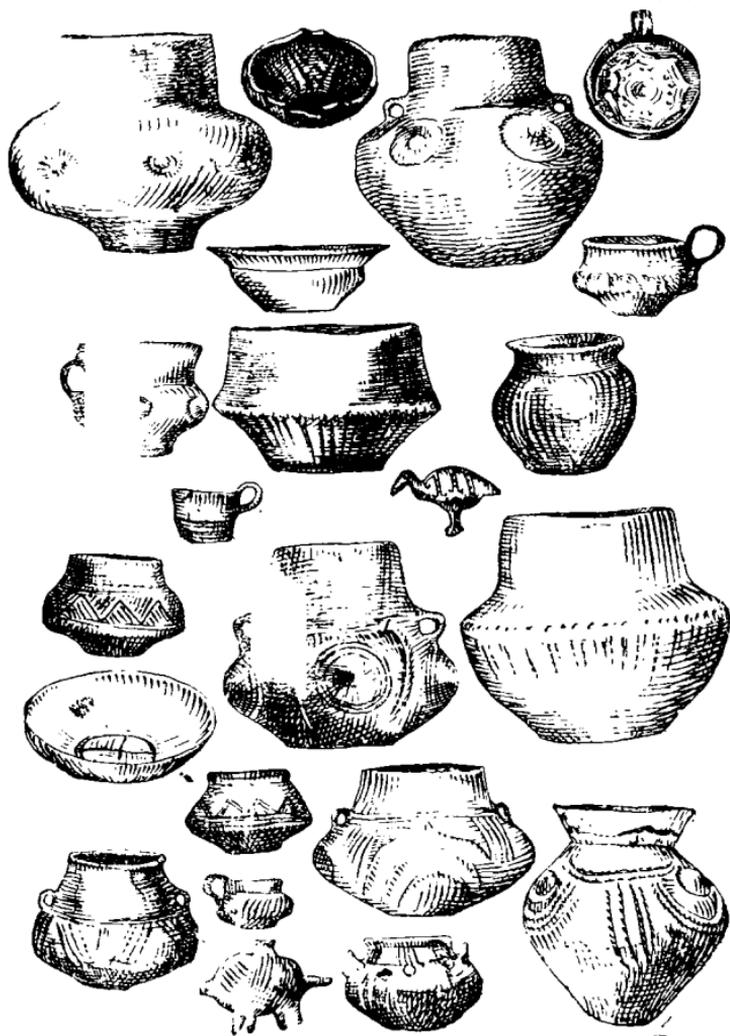

Рис. 144. Керамика Лужицкой культуры.

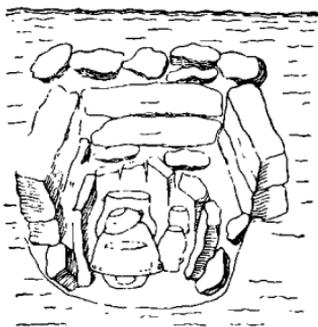
верхность сосудов ритмическими комплексами; особо характерны рельефные, округлые выступы с сосковидными концами, напоминающие форму женской груди. Такие выступы располагаются на тулове округлых сосудов симметрично по 2, 4 или 8 выступов (рис. 144).

В этой ранней стадии керамика относительно более однородна на всей территории лужицкой культуры. Позднее (1200—500 гг. до н. э.) формы сосудов по отдельным районам становятся более разнообразными; появляются фигурные сосуды в виде зверей и птиц, сосуды на четырех нож-

ках, ковши с длинными ручками, тройные чашки и т. д., но старые орнаментальные традиции сохраняются (рис. 144).

Описанная керамика встречается как в могилах, так и в поселениях, где, однако, численно преобладают грубые, не орнаментированные формы.

Преобладающим видом могильных памятников в данной культуре являются рядовые грунтовые могильники с трупосожжениями, нередко могилы обложены внутри камнем. Остатки сожженных трупов хоронились в сосудах-урнах при сопровождающих сосудах (до 8—10 в могиле) и обычно с немногими вещами (рис. 145). В ряде районов (например, Саксония, восточная Чехия, Моравия) та же лужицкая культура встречается в курганах высотой от 0,5 до 2 м; сожжения чаще всего производились на месте кургана, захоронения производились в могильных ямах и прямо под насыпью с каменными сооружениями.

В инвентаре представлены те же погребальные урны и сопровождающие их сосуды до 8 и более.

В поздней лужицкой культуре наблюдается также и обряд трупоположения.

Поселения носят характер земледельческо-скотоводческих поселков, нередко с большим числом жилищ (до сотни и более).

Характерный тип жилища — бревенчатый дом на столбах с двускатной крышей; внутри дом разделяется на преддверие и жилую часть с каменным очагом. Жилища окружены ямами-погребками, очажными и мусорными ямами. Поселения позднелужицкой культуры укреплялись круговыми валами и стенами.

Интереснейшим примером позднего (эпоха раннего железа) лужицкого поселения может служить раскопанное в 1934—1936 гг. торфяное поселение, расположенное на мысу, вдающемся в Бискупинское озеро (юго-западная

Рис. 145. Погребения лужицкой культуры.

Польша, Жнинский уезд). В торфе прекрасно сохранились остатки дерева, а потому жилища и вся планировка поселения могли быть очень полно и точно изучены.

Поселение было обнесено вокруг оборонительными деревянными (дубовыми) стенами, состоящими из срубов, заполненных плотно утрамбованной землей и глиной. Высота стен доходила до 3—4 м. На исследованной северной части поселения располагались 8 параллельных рядов весьма оригинальных домов, составлявших улицы шириной от 2,40 до 3,40 м (рис. 146). Улицы были вымощены настилами из дубовых бревен и березовых жердей.

Дома (рис. 146) представляют длинные бревенчатые постройки, состоящие из отдельных срубов-секций площадью в 70—80 кв. м от 3 до 10—12

секций в доме. Каждая секция является самостоятельным жилым комплексом, в состав которого входят (рис. 147) сени, жилое помещение с очагом и (в некоторых домах) небольшая кладовая, отделенная внутри помещения

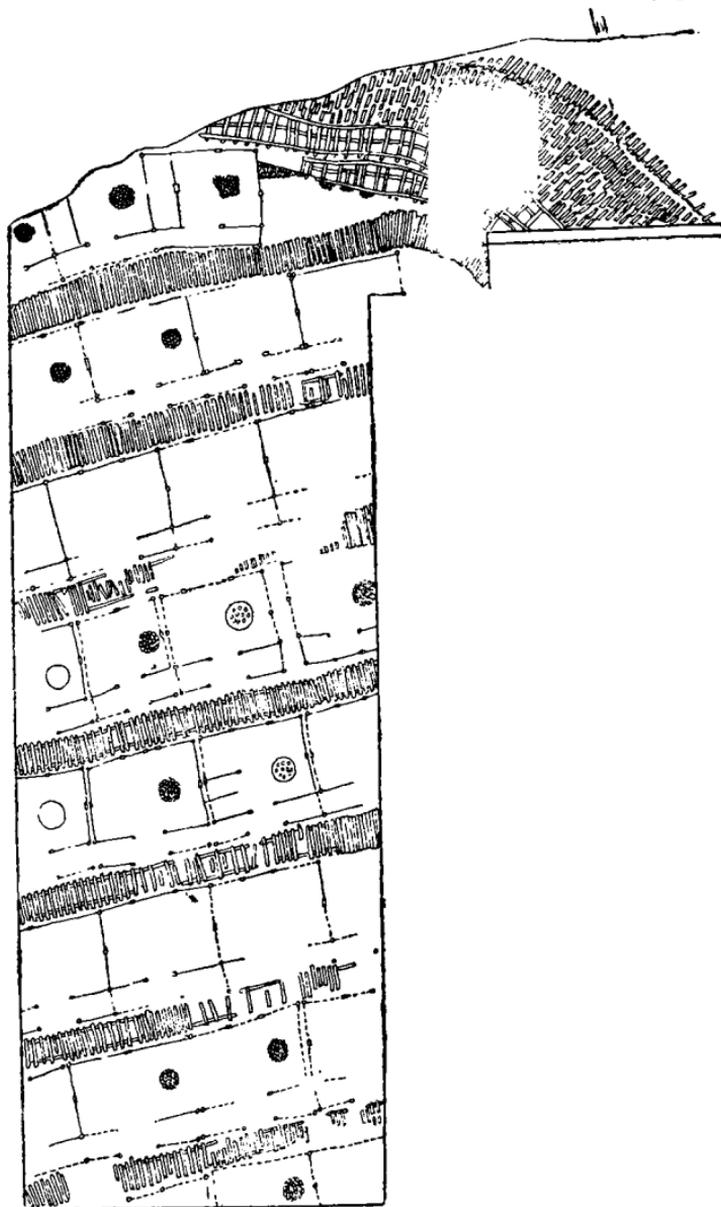

Рис. 146. План раскопанной части Бискупинского поселения в Польше. Позднелужицкая культура.

поперечной стенки. Стены сложены из дубовых бревен, укрепленных концами в пазах вертикально стоящих столбов, крыша была двускатная, окон не обнаружено, вход в сени располагался со стороны улицы.

Многочисленные культурные остатки на поселении (керамика, изделия из металла) вполне сходны с инвентарем поздних лужицких могильников.

Из наиболее важных находок отметим железные серпы, мотыки из рога оленя, конские удила из того же материала, глиняные литейные формы, остатки массивного колеса, сделанного из одного куска ясеня. Культурные растения представлены остатками двух видов пшеницы (мягкой — *Triticum vulgare* и карликовой — *Triticum compactum*), ячменя, проса и льна, домашние животные — костями низкорослой породы быка, овец, свиньи, козы, лошади и собаки.

Бискупинское поселение характеризует высокий уровень земледельческо-скотоводческой культуры, принадлежащей обществу с патриархально-

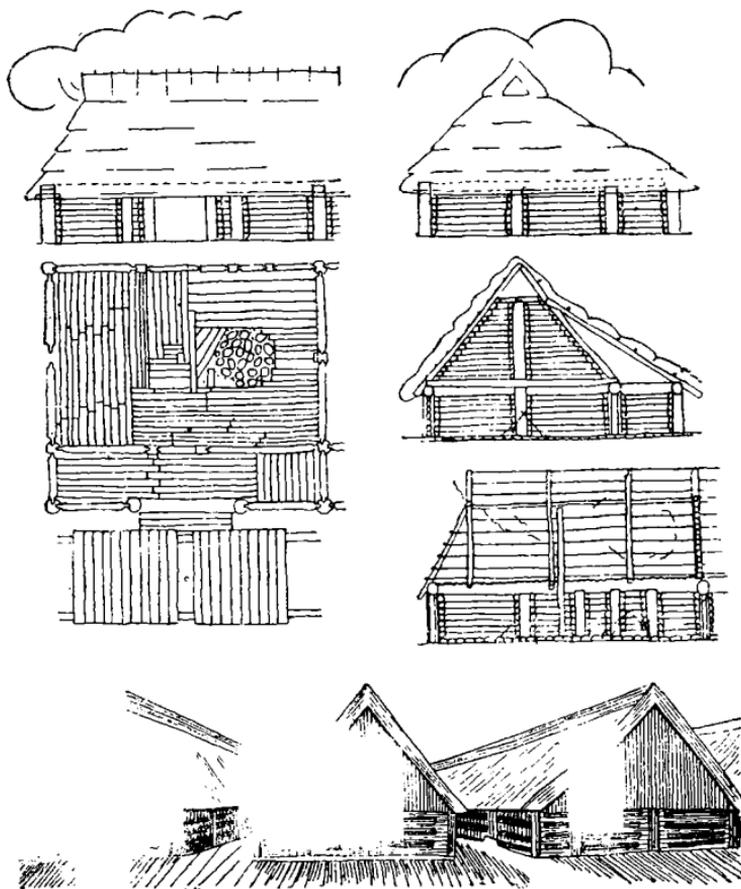

Рис. 147. Планы и реконструкция домов Бискупинского поселения позднелужицкой культуры.

родовым строем. Некоторые авторы пытались сблизить дома этого поселения с еще ирокезским типом длинного дома, что, конечно, никак не может быть принято. Секции бискупинских домов, разделенные глухими стенами, представляют самостоятельные жилища для обособленных семей патриархального типа, а вовсе не отдельные камеры внутри коллективного дома, как у ирокезов.

В могилах, поселениях и кладах лужицкой культуры, кроме керамики, встречены изделия из бронзы: втульчатые топоры, серпы, ножи и бритвы, мечи (редко), разнообразные украшения (булавки с круглыми головками, спиральные, выпуклые и круглые в сечении браслеты, очковидные фибулы,

шейные гривны и т. д.). Поздняя культура содержит галльштадтские формы раннего железного века.

По вопросу об этической принадлежности лужицкой культуры велись ожесточенные споры. Одни приписывают ее германцам, другие — иллирийцам. Выдающийся чешский ученый Нидерле полагал, что народ, оставивший лужицкую культуру, «говоря по совести, неясного происхождения, но, без всякого сомнения, — не германского». Большинство чешских (Пич, Бухтела и др.) и польских (Костржевский и вся его школа, Козловский, Якимович и мн. др.) ученых настойчиво защищают мнение, что носителями лужицкой культуры были славяне, расселившиеся по всей ее обширной территории из Прикарпатья. Их главные аргументы: могильные памятники (поля ури) генетически теснейшим образом связаны с позднейшими, несомненно, славянскими, памятниками того же типа, хозяйственный облик носителей культуры (земледелие и скотоводство) совпадает с особенностями хозяйства древнейших славян, на основной части территории культуры распространена славянская топонимика, и вся эта область в исторические эпохи была заселена именно славянами.

По поводу этих споров в свое время мы излагали следующее, как нам кажется, наиболее правильное мнение.

Лужицкая культура далеко неоднородна в различных районах ее распространения. В целом она, конечно, принадлежала различным племенным группам, как различными были и более ранние племена культуры ленточной керамики средней Европы или гребенчатой керамики в нашей лесной полосе, несмотря на сходство в формах сосудов и их орнаментации. Вряд ли можно полагать, что уже в эпоху бронзы сформировались славяне или германцы, как крупные этнические группы, давшие начало современным народам. На территории Средней Европы в эпоху бронзы для этого еще не созрели необходимые общественно-исторические условия, при которых должны были возникать такого рода крупные межплеменные союзы. Лишь позднее отдельные группы племен лужицкой культуры, входя в состав таких союзов, приняли участие в сложении не одного, а разных народов, известных письменным источникам. С другой стороны, не только лужицкая культура, но ведь и культуры более восточной территории — Приднепровья, Приднестровья, Побужья и т. д. — содержат те элементы, которые в развитом виде мы находим у сложившегося исторического славянства.

Таким образом, мы не можем присоединиться к мнению, что носители лужицкой культуры с самого начала были уже или славянами, или германцами и т. п. Это слишком прямолинейное отождествление без учета всей сложности процесса этногенеза, обусловленного общественным развитием.

Племена лужицкой культуры в их, может быть, значительной части приняли участие в формировании славянства в качестве одного из его, несомненно, весьма важных компонентов, но древняя территория славян вряд ли может быть отождествлена с областью распространения этой культуры.

Наше знакомство с эпохой бронзы на юго-западе СССР расширяется благодаря довольно частым здесь находкам кладов медно-бронзовых изделий, свидетельствующих о развитии обмена. Таковы клады из Новогригорьевской (бронзовые кельты, браслеты, нож, трубчатая подвеска), из Штеткова (11 бронзовых серпов и 7 топоров, знаменитый клад из Кардашкинки, содержащий формы для литья кельтов, долот, плоских топоров, кинжалов, булавок), из Деревясной (тоже формы для литья кельтов, серпов, наконечников копий, долот и ножей). Самым знаменитым в этом ряду находок является бородинский клад, найденный у Аккермана в Бессарабии и со-

стоящий, действительно, из выдающихся изделий эпохи бронзы. В его состав (рис. 148) входят две круглые и одна грушевидная высеченные из известняка булавки, два серебряных втульчатых наконечника копья, серебряный кинжал, серебряная булавка, 4 прекрасно отшлифованных боевых топора из нефрита и серпантина. В целом бородинский клад представляет остатки парадного убранства и оружия какого-то выдающегося вождя. Техника и орнаментация металлических изделий клада имеют ближайшие аналогии в Средиземноморье и на Кавказе.

Таким образом, на юго-западе СССР в эпоху бронзы наблюдаются довольно сложные исторические явления. Выделяются ското-

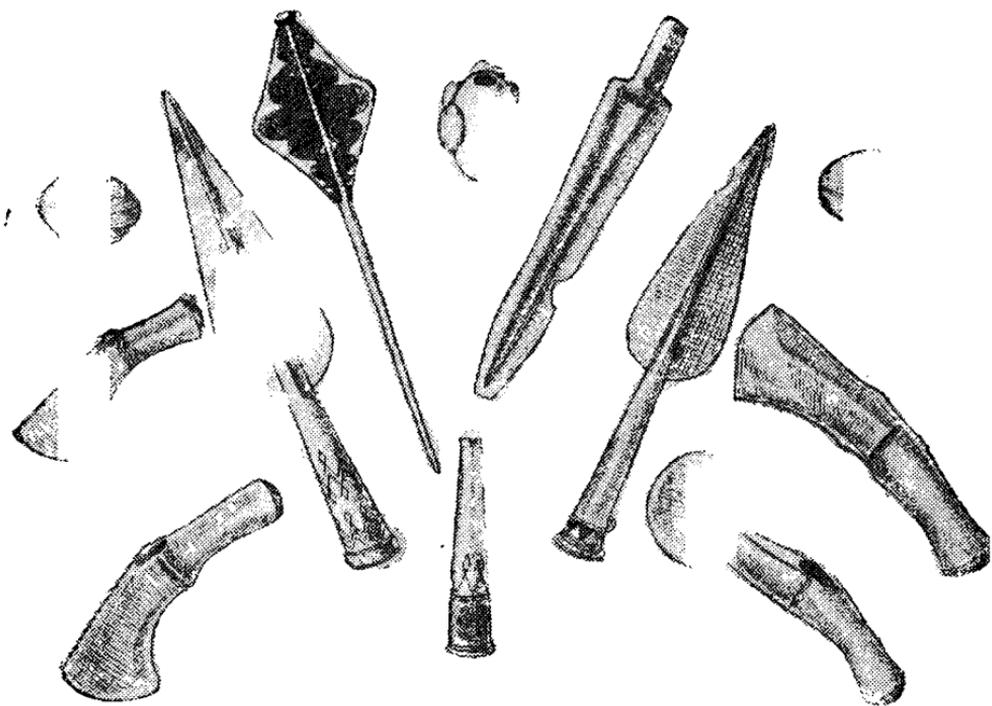

Рис. 148. Бородинский клад.

водческие племена, особенно ярко представленные поздне трипольской культурой с землянками и курганами со скорченными костяками. Разнообразие типов памятников правобережья и западной Украины свидетельствует о разноплеменности этнического состава населения этой территории в эпоху бронзы. Несомненно продвижение сюда племен с запада, начиная с конца неолита (шаровидные амфоры, шнуровая керамика), в частности, какой-то группы носителей поздней лужицкой культуры, смешивающихся здесь с местным населением (так называемая „смешанная культура восточной Галиции“). Оседлое смешанное население развивает плужную земледельческую культуру, которая выступает здесь в памятниках уже скифской эпохи.

4. Лесная полоса восточной Европы

На огромных пространствах восточноевропейской лесной полосы в эпоху неолита по берегам рек и озер обитали охотничье-рыболовецкие племена, стоявшие на нижней ступени варварства (культура ямочно-гребенчатой керамики, см. гл. XX). Переход к скотоводству, земледелию и металлургии совершался у этих племен, как показывают памятники, далеко не одновременно. Быстрее других развивались племена, жившие в более южной зоне — на Верхней Волге, в Волго-Окском междуречье и в Прикамье. Здесь уже во II тысячелетии до н. э., т. е. приблизительно одновременно со степной полосой, распространяются и скотоводство и металлургия меди и бронзы. На севере и северо-западе, например на территории нынешней Ленинградской области и Карелии, переход к средней ступени варварства затянулся до I тысячелетия до н. э. и полностью развертывался, видимо, уже при возникновении здесь обработки железа, а еще севернее на Печоре, на Беломорском побережье и на Кольском полуострове охотничье-рыболовецкий быт низшей ступени варварства продолжал сохраняться до значительно более позднего времени.

Надо сказать, что памятники времени распространения раннего металла в лесной полосе пока изучены хуже и ясны для нас менее, чем даже более ранние неолитические памятники. Для эпохи меди и бронзы нам известны здесь по большей части лишь одни могильные памятники, клады и отдельные вещевые находки. Что касается столь важной категории источников, какой являются поселения, то для эпохи меди и бронзы они здесь или еще вовсе неизвестны, или, как правило, не изучены. Это заставляет нас с очень большой осторожностью делать выводы и обобщения по истории лесной полосы в период проникновения сюда раннего металла и большей частью ограничиваться описательными характеристиками памятников.

Но и при настоящем состоянии наших знаний можно установить два важных момента, повлиявших на конкретный ход исторического развития общества лесной полосы в этот период: 1) роль смежных со степью областей в распространении скотоводства, а также, вероятно, и земледелия, и 2) роль Приуралья в распространении металлургии меди и бронзы.

Выше (стр. 355) мы уже отмечали, что как раз зона лесостепи, простиравшаяся во II тысячелетии до н. э., т. е. в эпоху бронзы, севернее, чем теперь, была вероятной областью наиболее раннего (в северной полосе) развития скотоводства. Здесь одинаково могли быть одомашнены и степные (лошадь) и лесные (свиньи, возможно, и крупный рогатый скот) животные, а умеренно теплый и не слишком сухой климат благоприятствовал как разведению скота, так и развитию земледелия. Отсюда путем расселения переходивших на скотоводство общественных групп, а также посредством меновых связей скотоводство распространялось как к югу по долинам степных

рек, так и к северу по лесной зоне. Во всяком случае в лесной полосе скотоводство появляется ранее всего в районах ближайших к лесостепи — на Оке и Верхней Волге. Вместе с тем имеются основания полагать, что специфически северная форма скотоводства — оленеводство очень рано развилось и на севере, где его началом послужило местное приручение оленей в неолитическую эпоху (см. выше, стр. 9).

Что касается Приуралья, то его значение определялось тем, что именно здесь были важнейшие месторождения меди, откуда металл и древняя техника металлургии распространялись по всей лесной полосе. Чем ближе к Приуралью, тем чаще в лесной полосе встречаются памятники с изделиями из меди и бронзы.

Земледелие, распространявшееся из лесостепи, развивалось в лесной полосе в форме подсечного, огневого земледелия, для которого нужны были хорошие рубящие орудия — топоры, а также мотыки.

Там, где появлялись земледелие и скотоводство, происходило любопытное изменение топографии поселений. Если в эпоху неолита, как мы видели (см. стр. 272), население жило в лесной полосе — у самой воды, по озерам и рекам, то лесные скотоводы и земледельцы начала эпохи металла осваивают здесь, судя по топографии памятников, водоразделы, плоскогорья и возвышенности, расселяясь по мелким речкам и ручьям, хотя, разумеется, поймы больших рек также могли быть ими использованы для выпаса скота и кормозаготовок.

Общий характер рассматриваемой эпохи в лесной полосе заключался в том, что здесь, начиная с конца III тысячелетия до н. э., происходило в разных местах в разное время в связи с распространением скотоводства, земледелия и ранней металлургии выделение скотоводческих и земледельческих племен из остальной массы варваров, продолжавших заниматься только охотой, рыбной ловлей и собирательством и местами еще долго сохранявших старый неолитический уклад жизни, несмотря на частичное проникновение к ним металла. Важнейшими памятниками различных групп выделявшихся скотоводческих и земледельческих племен в лесной полосе являются: 1) могильники фатьяновского типа, 2) памятники типа сейминского и турбинского могильников и 3) абашевские курганы и селища. Довольно частые находки кладов и отдельных вещей показывают распространение влияния тех или иных племенных групп на широкой лесной территории.

Фатьяновские могильники, распространенные на Оке и Верхней Волге, получили свое наименование по типичному местонахождению у с. Фатьянова близ Ярославля, открытому в 1875 г. С тех пор к настоящему времени открыты и исследованы десятки подобных могильников, так что их важнейшие особенности изучены с достаточной полнотой. Они располагаются обычно на возвышенных террасах и холмах по водоразделам или вблизи мелких рек и ручьев, наружных признаков не имеют и потому открываются случайно,

обычно в ходе строительных и хозяйственных работ. Могилы в них имеют овальную или округло-четырёхугольную форму (рис. 149) и достигают иногда значительной глубины — до 4 м. Внутри могил в некоторых случаях обнаружены остатки срубов или плетней, которыми укреплялись стенки, причем иногда могилы на определенной высоте прикрывались настилом из бревен, а уж после этого засыпались землей поверх настила. Покойники хоронились набоку в скорченном положении или на спине с сильно согнутыми ногами. Обычно погребения одиночны; коллективные погребения редки, как и погребения женщины с ребенком, но зато многократно были встречены типичные для начала патриархата совместные захоронения мужчины и женщины. Число могил в отдельных могильниках обычно незначительно — в среднем не более десяти, но известны могильники, например Балановский, и с более чем сотней погребений. Раскопки описываемых могильников дали большое количество вещей, получивших в археологии название фатьяновской культуры.

В составе этой культуры еще очень важное место занимают изделия из камня и кости (рис. 149) — прекрасно отретушированные наконечники копий и стрел из кремня, кремневые топоры с заполированным лезвием, ножевидные пластинки и скребки, шлифованные долота, костяные проколки и пр. Особенно типичны для фатьяновской культуры шлифованные сверленные топоры — из различных мягких и мелкозернистых каменных пород (рис. 149). Известны различные формы таких топоров — ладьевидные, двулезвийные, клиновидные и пр. Большинство из них имело боевое значение.

Изделия из камня и кости преобладают среди находок в фатьяновских могильниках, а во многих из них исчерпывают могильный инвентарь полностью. Но наряду с ними в этих памятниках встречаются и медно-бронзовые вещи, число которых увеличивается по мере приближения могильников к Приуралью, в чем нельзя не видеть значения приуральских центров древней металлургии. Медно-бронзовые элементы в фатьяновской культуре представлены топорами с вислыми обухами, копьями, ножами, а также различными украшениями (рис. 149), спиральными и пластинчатыми браслетами, бусами, височными кольцами. Но и среди украшений в фатьяновских могилах преобладают привески старого неолитического типа — из трубчатых костей и зубов животных.

Чрезвычайно характерны для фатьяновской культуры круглодонные глиняные сосуды, имеющие обычно шаровидную или бомбовидную форму (рис. 150) с цилиндрической шейкой или же вовсе без шейки. Фатьяновские сосуды украшались разнообразной орнаментацией из геометрических элементов — ромбов, треугольников, рядов косых коротких штрихов, идущих под углом друг к другу (так называемый елочный орнамент) и т. п. Из таких элементов, наносимых на сосуд штампами или просто заостренной палочкой, составлялась орнаментация фестонами и лопастями, покрывавшая венчик и плечики сосудов.

Население, оставившее фатьяновские могильники, несомненно уже перешло на скотоводство, так как в описываемых могилах неодно-

Рис. 149 Элементы фатьяновской культуры.

кратно встречены кости разнообразных домашних животных — коровы, свиньи, овцы, козы и даже лошади. В некоторых могильниках были обнаружены отдельные захоронения коз с очевидными ритуальными целями

Мотыжно-подсечное земледелие у древних фатьяновцев весьма вероятно, хотя прямые доказательства этого в виде находок в могильниках земледельческих орудий или остатков злаков отсутствуют. Однако каменные зернотерки в таких могильниках все же были встречены.

Охота и собирательство у обитателей лесных территорий, конечно, продолжали иметь существенное значение, но определяющая роль в хозяйстве фатьяновцев принадлежала уже скотоводству.

Население вело оседлый или, может быть, полуседлый образ жизни, что видно хотя бы из того факта, что в составе стада у древних фатьяновцев были свиньи—животные, не приспособленные к кочеванию. Однако достоверные поселения с фатьяновской культурой до сих пор не открыты, хотя керамика фатьяновского типа, а также сверленные топоры-молоты и встречаются на некоторых древних поселениях, принадлежавших, судя по характеру остальных находок, другим племенным группам (например стоянка с гребенчатой керамикой на Галичском озере). О древних фатьяновцах мы знаем только по оставленным ими могильникам. Этого, конечно, недостаточно для того, чтобы иметь полное представление об эпохе.

Фатьяновские могильники относятся к первой половине II тысячелетия до н. э. Они расположены преимущественно на Оке и на Верхней Волге от территории Чувашской АССР и до Белоруссии. На западе СССР погребения, подобные фатьяновским, известны в восточной Прибалтике—на территории Латвии и особенно Эстонии. Находки отдельных вещей фатьяновских типов, главным образом, сверленных топоров-молотов тянутся до северных окраин Ленинградской области (Ладога, Белозерье). Чрезвычайно интересно, что в районе распространения фатьяновских могильников, в то же самое время (II тысячелетие до н. э.) по берегам рек и озер продолжают обитать охотниче-рыболовческие племена, сохраняющие неолитическую культуру, хотя и с признаками в отдельных случаях первого употребления привозного металла. Об этом свидетельствуют поздние неолитические стоянки с ямочно-гребенчатой керамикой на Верхней Волге и Оке, например Галичская, Малое Окулово, Панфилово, часть Волосовских стоянок и т. д.

Возникновение фатьяновской культуры надо понимать как результат еще не изученного нами за недостатком источников выделения перешедших на скотоводство местных племен из массы охотниче-рыболовческого неолитического поселения. Своими корнями эта культура уходит в отдаленное прошлое восточно-европейской части территории СССР. В этой связи интересно отметить поразительное, хотя и не легко объяснимое сходство по форме и орнаментации бомбовидных фатьяновских сосудов с чрезвычайно близкими к ним сосудами из курганных погребений начала эпохи меди и бронзы на Северном Кавказе (см. выше, стр. 354). Возможно, что бомбовидные сосуды, исходной формой которых, так же как и в западной Европе, была скорее всего оплетенная веревками и полосками лыка тыква с удаленной мякотью, впервые возникли в восточной Европе в районе скорее всего лесостепи, где уже начались скотоводство и земледелие. Но, конечно, это только предположение, и сходство фатьяновской и северокавказской керамики может быть объяснено также каким-то ранним проникновением северокавказских

племен на север. Фатьяновские типы сверленных топоров при всем сходстве их с ладьевидными топорами западной Европы, не говоря уже об орудиях из кремня, имеют целый ряд своих очевидных предшественников в неолите — ямочно-гребенчатой керамикой. Что касается медно-бронзовых изделий из фатьяновских могильников, то они, как например, вислообушные топоры имели широкое распространение как раз в лесной полосе восточной Европы; они вырабатывались (для лесной полосы), вероятно, в Приуралье, хотя их прототипы ведут нас опять-таки на Кавказ и в Переднюю Азию.

Ясные признаки местного, восточноевропейского происхождения фатьяновской культуры показывают всю несостоятельность лженаучных утверждений фашистских фальсификаторов о том, что носители фатьяновской культуры были якобы воинственными «индо-германцами», вторгшимися в восточную Европу из территорий средней и северной Германии. В качестве главного «доказательства» этого вздора приводятся ссылки на сходство фатьяновской керамики с шаровидными амфорами и фатьяновских ладьевидных топоров с аналогичными сверлеными каменными топорами, находимыми в средней и северной Европе. Фатьяновским топорам предшествует целый ряд аналогичных, более грубых сверленных орудий в местном неолите восточной Европы.

Утверждения о западном происхождении фатьяновской культуры в высочайшей степени противоречат и следующим совершенно очевидным фактам. Фатьяновские и близкие к ним по типу могильники становятся в культурном отношении беднее по мере удаления от востока к западу, а не наоборот. Самым богатым разнообразием культурных форм и содержанием меднобронзовых вещей являются как раз самые восточные могильники, например Балаановский, а самыми бедными — наиболее западные. Могильники, расположенные на территории Эстонии и Латвии, близкие по типу и одновременные с фатьяновскими, имеют чрезвычайно примитивный, неолитический по своей культуре, облик. Отсюда ясно, что очаги фатьяновской культуры находились в глубине восточной Европы, и по отношению к ним Прибалтика была еще глухой периферией. Мы имеем ряд фактов, свидетельствующих о проникновении важных культурных достижений в это время как раз с востока на запад, а не наоборот. Так, например, появившаяся во II тысячелетии до н. э. в северной Германии и Скандинавии лошадь в качестве домашнего животного ведет свое происхождение из Причерноморских степей, и если мы учтем, что наши фатьяновцы разводили лошадей, очень рано получив их из лесостепи, то заимствование лошади северной Европой через Прибалтику как раз у древних фатьяновских племен станет весьма вероятным.

Носителями фатьяновской культуры были скотоводческие племена, выделявшиеся во II тысячелетии до н. э. из остальной массы местного населения лесной полосы восточной Европы и переходившие от матриархально-родового к патриархально-родовому строю общества. О началах патриархально-семейных отношений у фатьяновцев свидетельствуют, например, совместные захоронения мужчин и женщин в могилах. Нельзя не обратить внимания также и на то обстоятельство, что в фатьяновских погребениях очень часто встречается боевое оружие, преимущественно боевые топоры как каменные, так и бронзовые, а также копья и стрелы.

Такая „воинственность“ древних фатьяновцев характерна для времени патриархата, когда участились вооруженные столкновения между племенами с целью захвата скота и других накапливающихся богатств, а также и захвата пленных для обращения их в рабов.

Памятниками времени полного расцвета металлургии бронзы в нашей лесной полосе являются: замечательные сейминский и турбин-

ский могильники, относящиеся ко второй половине II тысячелетия до н. э. и принадлежавшие племенам, скорее всего родственным древним фатьяновцам.

Большой могильник у ст. Сейма близ г. Горького, открытый во время учебных земляных работ саперной ротой в 1919 г., был, к сожалению, раскопан не специалистами-археологами, почему картина его далеко не вполне ясна. Скелеты в нем почти не сохранились, и характер обряда захоронения установить не удалось, но зато в могильнике было найдено большое количество бронзовых вещей прекрасной выделки, представляющих исключительно ценный материал и получивших в археологии название „сейминской культуры“. Среди этих вещей (рис. 150) находились уже знакомые нам вислообушные топоры и топоры-кельты особых сейминских типов с орнаментацией в виде треугольников и ромбов, а частью с ушками для привязывания к коленчатой рукоятке. Очень характерны для сейминского могильника прекрасные большие наконечники копий листовидной формы с втулкой для насадки на древко и замечательные кинжалы с прорезными или фигурными рукоятками. Один из таких кинжалов (рис. 150) имеет рукоять, украшенную скульптурой, изображающей голову лося; кроме того, на этой же рукояти было нанесено изображение змеи. Интересно, что почти совершенно аналогичная по форме рукоять, но не литая, а вырезанная из кости, известна на костяном кинжале, найденном в олеостровском неолитическом могильнике (рис. 103), а близкие по стилю и сейминской головки лося каменные и костяные часто встречаются в кругу памятников неолита с ямочно-гребенчатой керамикой (находки в Карелии, Волосово и др.). Это лишнее раз показывает местное, восточноевропейское происхождение племен, оставивших нам памятники медно-бронзовой культуры в лесной полосе восточной Европы и преемственную связь их с неолитическими племенами.

Кроме топоров, наконечников, копий и кинжалов в сейминском могильнике найдены были бронзовые ножи, шилья, браслеты и различные украшения (рис. 150). И здесь вполне оправдалось положение, что бронза не могла еще вытеснить камень. Наряду с бронзовыми вещами в могильнике оказались и изделия из кремня—наконечники стрел, ножи и пр.

Керамика сейминского могильника очень близка к керамике фатьяновских погребений.

Совершенно аналогичен только что описанному по составу и типам находок могильник у д. Турбино близ г. Молотова, раскопанный в недавние годы. Этот могильник расположен на территории правого берега реки Камы. Захоронения производились здесь очень неглубоко и потому остатки скелетов почти не сохранились. Здесь найдены бронзовые кельты с орнаментом из ромбов и городков, бронзовые ножи, кремневые наконечники дротиков и стрел. Один, близкий к сейминским, изогнутый бронзовый нож имеет ажурную рукоять, украшенную тремя фигурками баранов.

Сейминско-турбинская культура принадлежала одной группе родственных скотоводческих племен второй половины II тыся-

челетия до н. э. имевших своими предками скорее всего древних фатьяновцев. Другая группа племен, генетически связанная с племенами степной полосы, оставила также очень яркие памятники абашевского типа, открытые в советские годы. К ним, главным образом, относятся курганы, получившие свое название от первой по времени открытия группы таких курганов у с. Абашева в Чувашской АССР и распространенные в Поволжье, преимущественно на территории Чувашии. Под невысокими курганными насыпями здесь находятся неглубокие могильные ямы со стенами, обложенными деревом. Покойники хоронились в этих ямах в скорченном положении в одежде, с вещами и с напутственной пищей в виде частей туш животных, преимущественно домашних.

Среди находок в абашевских курганах ряд вещей, например бронзовые вислообушные топоры или бронзовые браслеты, сходны с такими же "вещами" сейминско-турбинских типов, но большинство медно-бронзовых изделий имеет здесь своеобразную форму, почему они и получили название „абашевской культуры“ (рис. 151). Таковы клинковидные топоры, наконечники копий с широкими втулками, долота, кривые ножи, кинжалы и разнообразные серебряные и бронзовые украшения — спирали, височные кольца, очкообразные привески и т. д. Бронзовые бляшки и привески встречаются в абашевских могилах иногда целыми наборами, нашитыми на одежду. Часто встречаются и глиняные сосуды колоколовидной и плоскодонной формы с геометрической орнаментацией — ромбами, треугольниками и т. п. Некоторые из этих сосудов напоминают нам острореберные горшки из степных курганов со срубными погребениями. Рассматриваемая нами абашевская культура и другими особенностями свидетельствует о своем степном происхождении. Об этом говорит, например, самый обряд погребения в курганах, ранее всего в III тысячелетии до н. э. возникшем в лесостепи. Многие формы медно-бронзовых украшений из абашевских курганов очень сходны с украшениями из срубных и особенно казахстанских андроновских погребений.

У населения, оставившего абашевские курганы, было уже весьма развитое оседлое пастушеское скотоводство, судя по частым находкам в этих курганах костей лошади, коровы, овцы и свиньи. Оседлый образ жизни этого поселения подтверждается наличием остатков постоянных поселений с типично абашевской керамикой, например поселение в местности Баланбаш на дороге Уфа — Ишимбаево. Было, вероятно, развито здесь и земледелие; по крайней мере бронзовые серпы неоднократно встречались в районе распространения абашевских курганов.

Абашевские памятники приблизительно одновременны сейминскому и турбинскому могильнику, т. е. относятся ко второй половине II тысячелетия до н. э.

Медно-бронзовые вещи сейминско-турбинских и абашевских типов распространялись довольно широко по восточноевропейской и сибирской лесной полосе, как это показывают отдельные находки и целые

клады таких вещей. Из таких кладов назовем верхнекизильский клад абашевских вещей, найденный в Приуралье и состоящий

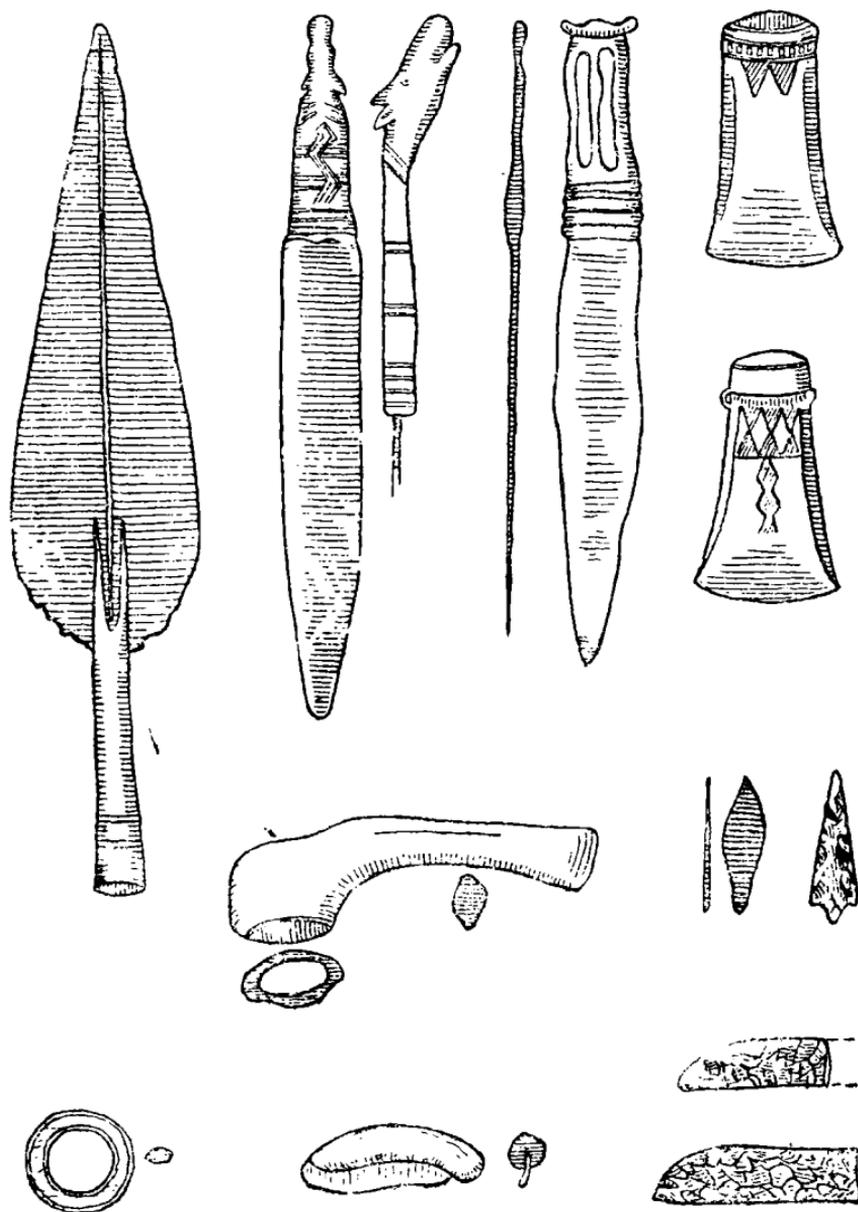

Рис. 150. Предметы сейминско-турбинской культуры.

из втульчатого копья, долота, изогнутых ножей и украшений. Подобные клады найдены у д. Коршуновой Кировской области, у д. Ильдеряково Бирского района и в других местах. Отмечены нами клады

в большинстве представляют спрятанные в землю партии медно-бронзовых изделий, скорее всего предназначавшихся для обмена. Совсем:

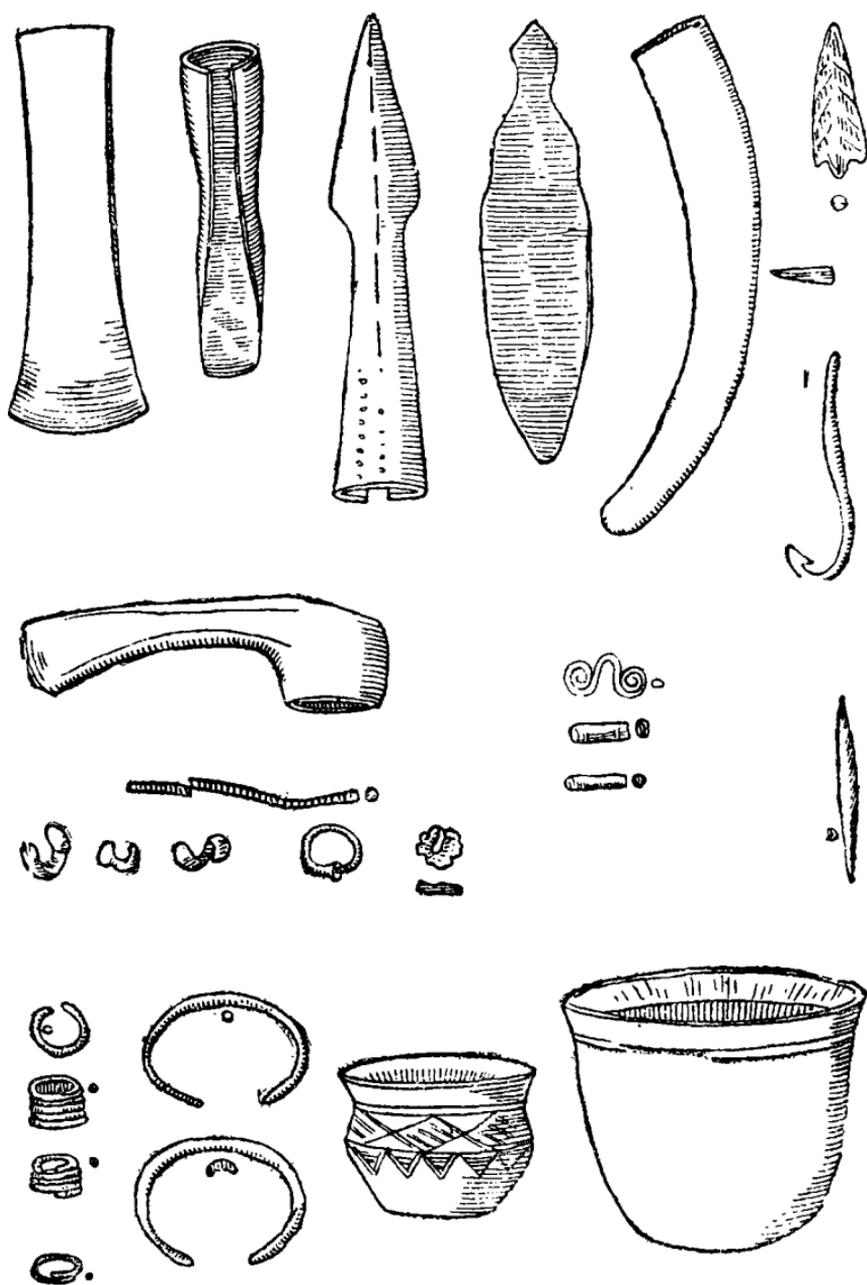

Рис. 151. Предметы Абашевской культуры.

другой характер имеет знаменитый клад, найденный в начале прошлого века на берегу Галичского озера у с. Туровского

(рис. 152). В его составе были вещи сейминско-турбинских типов, например кинжал с прорезной рукояткой, в середине которой изображена змея, вислобушный топор, браслеты и пр. Некоторые украшения из этого клада вполне сходны с абашевскими, например очкоидные привески, бляшки. Но самой замечательной частью клада являются бронзовые „идолы“, представляющие вылитые из бронзы муж-

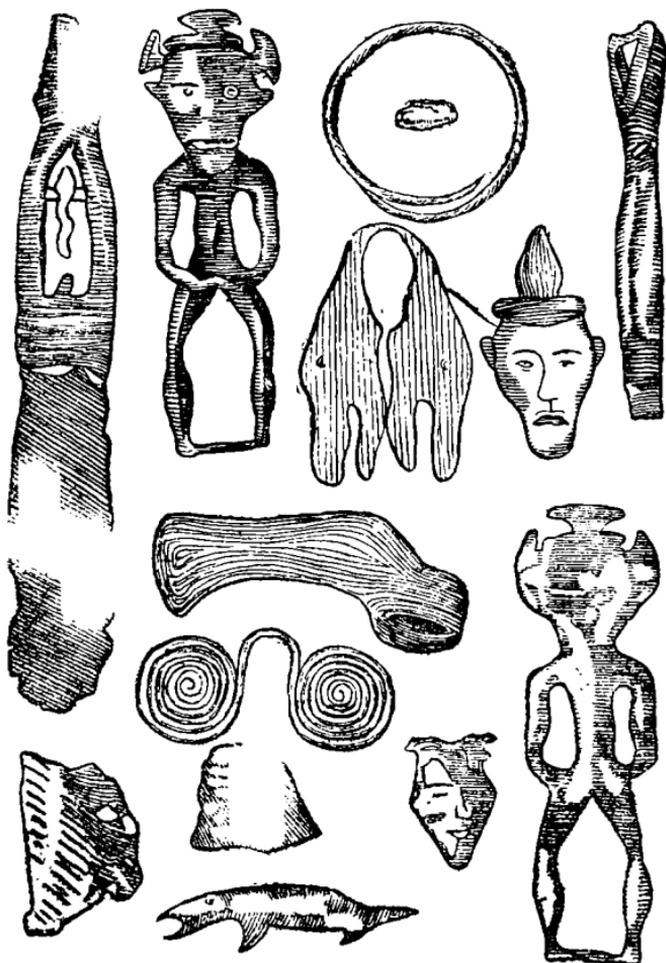

Рис. 152. Галичский клад.

ские фигуры с головными уборами, имеющие какие-то выступы. Такие выступы на уборе одного из самых интересных идолов представляют, вероятно, изображения полумесяцев, а фигура в целом — мужское божество с космическими лунарными атрибутами.

Галичский клад не был партией вещей, предназначенных для обмена. Скорее он составлял часть имущества, принадлежащего местной общине, и запрятанную для неизвестных целей в землю. Позднейшими исследователями рядом с местом находки клада было обнаружено позднее

неолитическое поселение с остатками круглых землянок и оснований шалашей. Здесь жила часть еще охотничье-рыболовческого племени, хотя уже подвергшегося влиянию слоев с медно-бронзовой металлургией. Галичский клад представлял, очевидно, собственность обитателей этого поселка, полученную ими путем обмена от племен, перешедших от камня к металлу.

Как сейминско-турбинская, так и абашевская культура принадлежали скотоводческим и, вероятно, земледельческим племенам с развивающимся патриархально-родовым строем.

Как уже отмечалось выше, в истории лесной полосы в рассматриваемую эпоху очень крупную роль играло Приуралье с его месторождением меди. Сейминско-турбинские и абашевские медно-бронзовые вещи имеют уральское происхождение, что видно хотя бы из того факта, что подобные же изделия были распространены и по другую сторону Уральского хребта — в Сибири. Влияние Приуралья распространялось и далеко на запад, доходя до Скандинавии, где сейминские и несколько более позднее ананьинские бронзовые топоры-кельты были неоднократно встречены, такие, как и на территории нынешней Финляндии. Значительное развитие в Приуралье металлургии меди и бронзы сказалось и в том факте, что бронзовые орудия и оружия (кельты, кинжалы, боевые топоры и пр.) долго продолжали выделяться здесь даже в эпоху раннего железа, — настолько они хороши были по качеству. К сожалению, картина этой древней металлургии Приуралья, а также жизнь местного населения, специализировавшегося на добыче и обработке металла, нам почти совершенно неизвестны вследствие неизученности памятников.

Патриархально-родовой строй, возникший в лесной полосе в эпоху меди и бронзы, достигает полного развития и распространяется на более широкой территории уже в эпоху раннего железа, когда здесь возникают укрепленные поселения, так называемые городища.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Глава XII	
Низшая ступень варварства. Развитие материального производства	5
1. Возникновение скотоводства	6
2. Возникновение земледелия	17
3. Развитие промышленного производства	25
4. Типы хозяйства и экономический базис низшей ступени варварства	28
Глава XIII	
Племена низшей ступени варварства	30
1. Эскимсы, Ительмены	30
2. Папуасы Новой Гвиней	32
3. Индейцы Северной Америки	37
4. Южноамериканские индейцы тропической зоны	48
Глава XIV	
Матриархально-родовой строй низшей ступени варварства и тенденции его развития	54
1. Парная семья и пережитки группового брака	55
2. Род, фратрия, племя	59
3. Материнский счет родства и материнская линия наследования. Локализация брака. Авункулат	61
4. Возникновение патрилокального брака и отцовского счета родства	64
5. Коллективное производство	77
6. Естественное разделение труда	79
7. Начатки общественного разделения труда	81
8. Формы собственности	83
9. Возрастные деления. Юношеские посвящения. Мужские союзы и мужские дома	88
10. Родо-племенная замкнутость. Отношения между племенами. Общественно-экономическое равенство членов рода	93
Глава XV	
Общественные представления низшей ступени варварства	103
1. Тотемизм	104
2. Магия	104
3. Анимизм	110
4. Представления о загробной жизни. Культ предков	114

	Стр.
5. Первобытная космогония. Солнечные боги. Материнское божество. Переоформление древних представлений	117
6. Культ и его носители	122
7. Язык и мышление. Письмо. Фольклор. Искусство. Положительные знания	123
Глава XVI	
Понятие о неолите. Неолит и энеолит северной Африки	139
1. Понятие о неолите	139
2. Неолит и энеолит северной Африки	154
Глава XVII	
Неолит и энеолит западной (приатлантической) части Европы. Неолитические поселения Швейцарии	166
1. Общие замечания о неолите Европы	166
2. Неолит и энеолит западной (приатлантической) зоны Европы.	168
3. Свайные поселения (неолит приальпийской зоны)	184
Глава XVIII	
Неолит средней и северной Европы	204
1. Неолит средней Европы	204
2. Неолит и энеолит северной Европы. Земледельческая культура.	215
3. Лженаучные теории	227
4. Неолит северной Европы. Охотничье-рыболовческая культура, или балтийско-арктический неолит	231
Глава XIX	
Неолит территории СССР	239
1. Трипольская культура	239
2. Неолит и энеолит степной полосы	250
3. Неолит лесной полосы (культура ямочно-гребенчатой керамики)	259
Глава XX	
Возникновение металлургии меди и бронзы. Развитие земледелия и скотоводства. Патриархально-родовой строй и его отражения в археологических памятниках	288
1. Возникновение металлургии меди и бронзы	289
2. Развитие скотоводства и земледелия	299
3. Развитие общественного разделения труда	304
4. Возникновение патриархально-родового строя	306
5. Этнографические примеры обществ с патриархально-родовым строем или его пережитками	311
6. Основные черты патриархально-родового строя	322
7. Отражение патриархата в археологических памятниках	326
Глава XXI	
Эпоха меди и бронзы на территории СССР	331
1. Кавказ	331
2. Степная полоса	355
3. Среднее и нижнее Приднепровье	368
4. Лесная полоса восточной Европы	379